

Приложение к журналу «Общая тетрадь»

Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая

ПОСТСОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Московская школа политических исследований

2008

ББК 66.3(2Рос)6
Г 93

Дизайн обложки и макет — *Ольга Козак*

*Издание осуществлено при поддержке Института “Открытое общество”,
посольства Норвегии в России, посольства Финляндии в России
и группы компаний “Рольф”*

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А.

Г 93 Постсоветский человек и гражданское общество. — М.: Московская школа политических исследований, 2008. — 96 с.

Это исследование Левада-Центра подчинено задаче анализа условий формирования, состояния и потенциала гражданского общества в России. Выявляя иерархию повседневных смысловых ориентиров представителей различных групп и слоев населения страны, их отношение к общим ценностям этики, политической и правовой культуры, гражданского самосознания, работа рисует динамическую социально-политическую картину российского общества. Исследование базируется на обширных материалах общероссийского социологического обследования, проведенного Центром в июне 2008 года, в сопоставлении с данными более ранних опросов общественного мнения страны.

ББК 66.3(2Рос)6

Введение

СЛАБОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМА «СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА»

Вскоре после краха коммунистической системы в России появилось множество общественных неправительственных организаций, ставивших своей целью способствовать формированию структур гражданского общества. Используя опыт и поддержку западных (европейских и американских) организаций и фондов, участники этого движения стремились привить в России культуру взаимодействия общества с властью, расширить поле благотворительной работы, оптимизировать возможности просветительской и волонтерской деятельности в самых разных областях социальной и политической жизни. Диапазон работы этих организаций включал самый разный круг проблем: от защиты окружающей среды, прав этнических меньшинств или развития творческих способностей у детей до общественного контроля над правоохранительными органами и отстаивания независимости журналистов от преследования властей. Вместе с тем, несмотря на все усилия участников этих движений, влияние гражданского общества на демократические процессы в России оставалось очень ограниченным. Объяснять трудности его развития давлением государства, видящего в развитии сети некоммерческих организаций (НКО) угрозу собственному монополизму, логично и вполне оправданно, учитывая, что после установления авторитарного и традиционалистского по своим идеологическим установкам режима Путина они возросли многократно, поскольку общественные организации стали рассматриваться как каналы западного влияния. Но этих объяснений явно недостаточно. Помимо

этого трудности демократизации и развития гражданского общества были обусловлены особенностями политической и гражданской культуры российского населения, не знавшего никакой другой жизни, кроме советской, с ее почти тотальной регламентацией важнейших аспектов повседневного человеческого существования. Инерция этого опыта, как показывают различные исследования, была намного более мощной, чем это казалось в первые годы новой России. И дело здесь не только в недостаточности усилий по просвещению якобы косного общества, слабой эффективности или непродуктивности деятельности по внесению новых идей и знаний о том, как устроены современные демократии, на какие структуры они опираются и т.п., а в недооценке степени и характера приспособленности массового **постсоветского человека** к репрессивному государству, психологических и моральных следствиях такой адаптации и симбиоза с тоталитарным режимом. Те способы поддержки общественным движениям, что были эффективны в странах Центральной и Восточной Европы, явно недостаточны в стране с сильнейшими имперскими традициями, самыми длительными по времени периодами массового террора, полной прерванностью исторических связей с гражданским и общественным опытом России начала XX века.

Идеологема «нового», «советского человека» возникла в СССР в 1920–1930 годах как постромантическая версия субъекта исторических изменений. Исключительность условий и цели строительства социалистического общества должны были поддерживаться параллельным тезисом о формировании людей совершенно особого, необычного склада. Такого рода мифологема характерны для ранних этапов тоталитарных режимов (его аналоги можно найти и у нацистов в Германии, и в фашистской Италии). Но если по отношению к нацизму или фашизму не приходится говорить о проблеме репродукции этого «человека» в силу относительной краткости существования этих режимов (12 и 20 лет), уничтоженных в результате военных поражений, то по отношению к советскому тоталитаризму вполне оправдан вопрос о том, как и в какой степени советские социально-экономические, пропагандистские и репрессивные институты влияли на структуру личности, формировали ее, а в какой — этот сложившийся тип личности обеспечивал

функционирование и репродукцию описываемой институциональной системы*.

Ю.А. Левада так определял основные черты советского человека: принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия, имперский синдром. Такой набор характеристик свидетельствует «скорее об определенной принадлежности человека системе ограничений, чем о его действиях и интересах. Отличительные его черты <...> — принадлежность социальной системе, режиму, его способность принять систему, но не его активность»**. Советский человек — «это *мас-совидный* человек (“как все”), деиндивидуализированный, противопоставленный всему элитарному и своеобразному, “прозрачный” (т.е. доступный для контроля сверху), примитивный по запросам (уровень выживания), неизменяемый, легко управляемый (на деле, подчиняющийся примитивному механизму управления)»***.

* Отметим, что попытки найти соответствие между социальным характером и общественным порядком или экономической системой делались практически с самого возникновения социологии как науки. В 1920–1930 годах американские социологи были озабочены выявлением «базовой личности» — социального характера, типичного для данной социально-экономической системы. Позднее, в 1945–1946 гг. группа социальных психологов и философов под руководством Т. Адорно стремилась выявить черты «авторитарной личности», фашизоидного человека, служащего предпосылкой развития и элементом фашистского режима (Адорно Т., Сэнфорд Н., Френкель-Брюнсуик Э., Левинсон Д.Л. Исследования авторитарной личности. — М., 2001). В свернутом виде представления о доминирующем типе социальных отношений лежат и в позднейших типологиях политической культуры. См., например: Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nation*. — N.Y.: Princeton University Press, 1963; Almond G., Verba S. *The Civil Culture Revisited*. — Boston, 1980.

** Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 1990-х / Авт. кол. А.А. Голов, А.И. Гражданкин, Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая, Ю.А. Левада (руководитель проекта), А.Г. Левинсон, Л.А. Седов. — М., 1993. — С. 24.

*** Там же, с. 8. Хотя Левада считает, что «советский человек» в полном виде представлен лишь в одном поколении советских людей, рождения примерно 1920-х годов, практически ушедшем в настоящее время, тем не менее этот тип захватывает гораздо больший период времени, чем это казалось нам в начале 90-х годов. См.: Левада Ю. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. — М.: НЛЮ, 2005. — С. 39–60.

Постсоветский человек и гражданское общество

«Правильный» советский человек не мог представить себе ничего, что находилось бы вне государства. Для него негосударственные медицина, образование, наука, литература, экономика, производство — или просто невозможные вещи, или, как это стало уже в постсоветские времена, нелегитимные, дефектные институции. Он целиком принадлежит государству, это государственно зависимый человек, привычно ориентированный на те формы вознаграждения и социального контроля, которые исходят только от государства, причем государства не в европейском смысле (как отдельного от общества института), а стремящегося охватывать все стороны существования человека, играть в отношении него патерналистскую, попечительскую и воспитательную роль. Но одновременно он знает, что реальное государство его обязательно обманет, не даст что-то даже из того, что ему «положено по закону», будет всячески стараться выжать из него все, что можно, оставив ему минимальный объем средств для выживания. Поэтому он считает себя вправе уклоняться от того, что от него требует власть (халтурит, приворовывает, избегает разного рода повинностей).

Такого рода асимметрия отношений государства и человека (поданного) приводит к представлению, что полнотой дееспособности и символической значимостью обладает только власть или вышестоящее начальство, тогда как сам человек лишен права голоса, способов выражения своих интересов. Более глубокое понимание этого человека заключается в том, что как власть пытается манипулировать населением, так и население, в свою очередь, «управляет» государством, пользуясь его ресурсами и покупая чиновников для своих нужд. Это симбиоз принуждения и адаптации. Советский человек — это человек мобилизационного, милитаризованного и закрытого репрессивного общества, интеграция которого обеспечивается такими факторами, как внешние и внутренние враги, а значит — признание им (хотя бы отчасти) оправданности требований о лояльности власти, государственного контроля, привычка к самоограничению (принудительный аскетизм потребительских запросов и жизненных планов).

В отличие от европейского массового человека, этот тип разделяет эгалитаристские нормы, но понимает их как нормы антиэлитарные, снижающе-уравнительные. Доминирующие латентные мотивы такого эгали-

таризма — зависть, чувство мести, в свое время идеологически оправдываемые большевиками, а сегодня часто принимающие формы цинизма, диффузной агрессии вынужденной коллективности (лагерного типа), о которой писал В. Шаламов в своих «Колымских рассказах». Но в любом случае — массовость без присущей западной культуре сложности и дифференциации. «Простота» в самоопределениях это вовсе не открытость миру и готовность к его принятию, а примитивность социального устройства, отсутствие посредников между государством и человеком*. «Человек советский» был вынужден и приучен следовать и принимать в расчет только упрощенные образцы и стратегии существования, но принимать их в качестве безальтернативных («немногое, но для всех»).

По существу эти ориентации на «простоту» представляют собой стратегии выживания, минимизации запросов и ценностных критериев, наряду с пассивной мечтательностью и верой, что в будущем жизнь каким-то образом улучшится.

Поэтому этот человек трудно изменяем, но им легко управлять (по крайней мере, в тех рамках, которые оказываются достаточными для интересов самосохранения власти). Он подозрителен в отношении всего «иногo» и «сложного» (которое идентифицируется им как чужое и угрожающее), недоверчив (ибо не знает более сложных и высоких форм гра-тификации), пессимистичен (ибо весь опыт его свидетельствует о том, что государственная власть использует его как ресурс собственного существования, пытаясь по возможности решать свои проблемы за счет населения, всегда ценой снижения его уровня жизни и благополучия) и пас-

* См.: Гудков Л. Феномен простоты: О национальном самосознании русских // *Человек*. 1991. № 1. Если следовать массовому самоописанию, то самыми характерными (чаще всего называемыми) чертами советского или российского человека будут «простой», «открытый», «терпеливый», «гостеприимный», «непрактичный», «готовый прийти на помощь», «ленивый» и т.п. (гораздо реже в этом случае используются такие определения, как «культурный», «воспитанный», «энергичный, предприимчивый», «рациональный», «религиозный» и т.п.). Подробнее см. в кн.: Советский простой человек... С. 130–151; а также: Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие // *Вестник общественного мнения*. 2003. № 1 (67). — С. 28–44; № 2 (68). — С. 35–51.

сивен, так как любые частные усилия добиться чего-то лучшего в этой жизни, могут стать основанием для репрессий и жестких санкций со стороны как власти, так и окружающих. Зная, что добиться чего-то выходящего за рамки допустимого для всех невозможно, этот человек весьма завистлив и хронически тревожен*. Любые состояния неопределенности, резкого усложнения ситуации вызывают в нем смесь фрустрации, агрессии и астении, так как длительное подавление извне мотивов достижения, работы для себя, самодисциплинирования, являющегося обязательным условием для планомерной (в этом смысле — институционально поддержанной) деятельности парализовало в нем механизмы самоорганизации. Этот тип человека характеризуется специфической индивидуальной безответственностью, склонностью к переносу вины за свое положение на любых других: правительство, депутатов, чиновников, начальство, западные страны, приезжих.

Вне зависимости от того, как в тот или иной момент трактуется или понимается смысл собственной исключительности, какими значениями она наполняется, функциональная роль этого компонента сознания советского человека заключается в подавлении возможностей универсализации человека, его ценностных значений, недопустимости применения к нему таких же мерок, что и на Западе, а защитным барьером выступает идея своего особенного пути, несовместимости «нашей» жизни с тем, как живут в «нормальных странах», «русского человека» с «западным».

Массовые представления о роли государства и соответствующие ожидания сводятся при этом к тому, что власти должны заботиться о населении, обеспечивая его основные потребности: в работе, жилье, прожиточном минимуме, социальном обеспечении, образовании и т.п. А население обязано поддерживать власть, работать, защищать «интересы государства», «сознательно» принимая все, что от него требует государство, как «исполнение своего патриотического долга» или гражданских повинностей.

* См.: Гудков Л., Пчелина М. Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. 1995. № 6. — С. 31–42; Левада Ю. «Человек советский». Четвертая волна: Функции и динамика общественных настроений // *Вестник общественного мнения*. 2004. № 4 (72). — С. 8–18.

Подобный режим двоемыслия (мозаичность сознания, партикуляризм, способность соединять кажущиеся несовместимыми нормы и представления) порождает человека, достаточно эластичного, чтобы выносить внешние давление и контроль («русское терпение»), и вместе с тем неспособного к коллективной солидарности или систематической рационализации собственного действия, готового приспособиться к любым переменам ценой снижения запросов и качества жизни (выбор понижающих стратегий жизни).

«ЧЕЛОВЕК СОВЕТСКИЙ» В УСЛОВИЯХ ДЕГРАДАЦИИ СОВЕТСКИХ ИНСТИТУТОВ

Модель советского человека, описанная выше, в ситуации краха советского режима нуждалась не только в дальнейшей проверке (насколько устойчивы ее элементы в отдельности и в целом сама система), но и в выяснении целого ряда вопросов: как ведет себя этот человек в ситуации рутинизации исторического перелома, разложения закрытого общества, усталого от постоянного режима мобилизации, не имеющего позитивных ориентиров и целей?

Первые выводы, к которым пришли участники исследовательской группы, которой руководил Ю.А. Левада, в самом начале 1990-х годов состояли в том, что «советский человек» потерял значение *образца* для массовых ориентаций и идентификации. С началом эрозии образца общество утратило представление о своем будущем, чувство направленного времени, пусть даже в форме казенного оптимизма или рутинной уверенности в завтрашнем дне. «В обстановке общественного кризиса латентные компоненты каждой антиномии [составляющей структуру образца “хомо советикус”] выступают в это время на поверхность и превращаются в мощный дестабилизирующий фактор»*. То, что составляло и образовывало «подсознание» советского человека: теньевые, а потому аморфные, плохо артикулируемые значения социальности, касающиеся значений насилия как символического кода поведения, репрессивного

* Советский простой человек... С. 24.

Постсоветский человек и гражданское общество

контроля, недоверия к другому, страху перед ним, готовности к обману, агрессии, — все это стало выходить на первый план, обретая уже не негативные, а позитивные определения и смыслы коллективной солидарности (значения «наших», «своих», «русских»).

Первым симптомом деградации образца можно считать изменение знака отдельных его составляющих (но не самой его структуры). Линии разложения вначале проходили по символическим значениям власти (объективациям государственного патернализма): сверхавторитет новых политических лидеров и надежды на новую «реформированную» власть (волнообразные процессы роста и падения популярности Горбачева, Ельцина, Руцкого, Лебедея) скоро обернулись разочарованием и дискредитацией власти в целом, а затем ростом ксенофобии и социальной зависти, что и было канализировано администрацией Путина в виде антипатии и враждебности к «олигархам» и Западу*.

Иначе говоря, распад советской системы институтов отнюдь не означал, что начались интенсивные процессы социально-структурной, функциональной дифференциации, предполагающей автономизацию ведущих групп общества и их ценностей. *Дезтатизации общества*, которая свидетельствовала бы о подобных процессах, не произошло. Важнейшие подсистемы общественной жизни — суд, образование, общественное управление, система массовых коммуникаций — остались под прямым государственным контролем той группировки, которой собственно и принадлежат сегодня власть, ресурсы силового управления.

Бизнес, производство, финансы также в значительной степени подчинены кланово-номенклатурным интересам различных группировок. Церковь, будучи реабилитированной в постсоветское время, фактически превратилась в один из государственных департаментов. СМИ, получив полную свободу после 1991 года, с приходом Путина и укреплением вертикали власти, практически ее утратили. Все вместе это означает, что «элиты» (группы, обладающие большими ресурсами, — образовательными, культурными, информационными, социальными, экономическими) по-прежнему ориентируются на власть и не в состоянии выполнять свои

* См.: Гудков Л. О легитимности социального порядка // *Вестник общественного мнения*. 2004. № 2 (70).

собственные социальные функции, то есть остаются псевдо- или квази-элитами. Вместе с тем попытки восстановить централизованный государственный контроль в прежнем объеме без сопутствующих социальных механизмов (политической полиции, насаждения единой идеологии, атмосферы страха и т.п.) невозможны, поскольку без них нельзя сдерживать постоянно возникающие неформальные (теневые, «серые», сетевые) связи и структуры обмена ресурсами и коммуникации между различными группами и институтами. Быстрое расползание коррупции свидетельствует не столько о падении социальной морали, сколько о настоятельной потребности институционального согласования частных, групповых и институциональных интересов, поэтому коллизии такого рода оказывают разлагающее воздействие на саму систему централизованного государственного контроля.

В первые годы после краха советской системы среди более образованной части российского общества были довольно широко распространены представления о том, что новое поколение, социализированное уже в других условиях, окажется носителем совершенно иных ценностей, будет характеризоваться другой этикой, мотивироваться иначе, чем их родители и деды. Отчасти такие ожидания подкреплялись и данными социологических исследований, свидетельствовавших о том, что молодежь не только более образована, ориентирована на другие стандарты потребления, но и на то, что она не испытывает обычных для старшего поколения страхов. Однако эти предположения оказались скорее набором иллюзий, а не прогнозами, основанными на теоретическом знании и анализе фактического материала. Разрушение прежних образцов не сопровождалось серьезной позитивной работой по пониманию природы советского общества и человека, выработкой других ориентиров и общественных идеалов. Ни общество в целом, ни какие-то отдельные группы оказались не способны к этому. Возобладали эклектические тенденции имитации прежних символических структур: ностальгия по былому величию, идеализация недавнего прошлого, прежде всего мифологизация победы во Второй мировой войне, обрядово-магическая сторона религиозного «возрождения» и пр. Настоящее (требования к самим себе, мотивы собственного достижения) по-прежнему воспринимается населением в категориях хронического развала, кризиса, состояния дезориентированности и безвременья.

Разговор о проблемах демократии и гражданского общества в сегодняшней России складывается под воздействием разных социальных сил и, соответственно, нескольких планов (или языков) обсуждения. Укажем лишь три из них. Один — язык и взгляд на мир реформаторской общественности, правозащитников, интеллигенции, ставший открытым и тиражируемым на рубеже 1980–1990 годов, определивший высказывания тогдашних политиков и стилистику масс-медиа. Сами по себе ценности демократии и гражданского общества, в общем, не являлись проблематичными и не были предметом для дискуссии, они и сегодня принимаются как универсальные, проблема заключается лишь в том, *как* инструментально внести эти ценности в публичную сферу и структуры власти. Другой, противоположный, контекст представлен отечественными контрреформаторами, фундаменталистами различных толков, ревнителями национального своеобразия, для которых демократия как детище буржуазного Запада не подходит России, имеющей иные устои и собственные ориентиры. Соответственно, проблема видится ими в том, чтобы полнее выразить эти ценности и опять-таки как-то донести их до властей и до «большого» мира. Наконец, третий контекст — риторика нынешних властных структур, близких к ним сил и обслуживающих их кругов, которые, с одной стороны, стремятся убедить мир, что Россия — демократическая страна, а сами они — демократически избранная власть, а с другой — настаивают на особенном, «суверенном» характере российской демократии, убеждают не торопиться с демократическими реформами и не спеша выращивать ростки гражданского общества.

Легко видеть, что в поле зрения представителей всех трех сил практически не попадает сам российский социум, его население в своем нынешнем состоянии. Различные группы и слои имеют разные представления о социальном порядке, политической власти, демократии, Западе и т.д. Довести их до артикуляции и понять в связи с другими ценностями, с образом жизни разных групп россиян — важная задача в ситуации именно мнимой непроблематичности, охарактеризованной выше. Отсюда актуальность эмпирического исследования подобных представлений в широких рамках, включающих как повседневные смысловые ориентиры людей, формы их привычного общения, так и более общие ценности, элементы этики, политической культуры, гражданского самосознания.

Исследование «Постсоветский человек и гражданское общество», проведенное в конце июня 2008 года, было подчинено задаче описания условий формирования и состояния потенциала гражданского общества. В этом плане оно продолжает изучение всего рассматриваемого комплекса вопросов, посвященных «человеку советскому», но уже применительно к проблематике социальной солидарности внутри разных кругов общественного взаимодействия, эмансипации от власти, возможностей появления независимых от власти групп интересов, кристаллизации ценностей, обеспечивающих базу политического и идеологического плюрализма, углубление процессов расширения степеней индивидуальной свободы. В дальнейшем изложении, наряду с данными названного исследования, мы опираемся на серию других общероссийских репрезентативных исследований Левада-Центра, преимущественно относящихся к последним годам*. В ряде случаев, чтобы проследить устойчивость либо изменения тех или иных показателей, мы обращаемся к более глубокой временной динамике.

* В частности, данные по 2006 году (число опрошенных — 3000 чел.) были получены в ходе исследования, посвященного изучению социальной активности и инициативы по заказу ГУ-ВШЭ в рамках программы «Формирование компетенций для инноваций в бизнесе и государственном управлении».

Жизненные проблемы и ценности россиян

Основные ценности, декларируемые населением постсоветской России, связаны, как правило, с идеальными представлениями о спокойной и благополучной жизни, ограниченной кругом самых близких людей, которым можно доверять и на чью помощь и поддержку можно рассчитывать. Их можно назвать ценностями частных, партикуляристских отношений между конкретными людьми — отношений, которые не подлежат моральной или правовой универсализации, то есть не распространяются на других людей, не принадлежащих к данному конкретному кругу.

Ведущие среди этих ценностей — **«крепкая семья»** (в ней сосредоточены все важнейшие вопросы удовлетворенности жизнью, она выступает защитным барьером против внешних угроз, зоной доверия и сочувствия со стороны близких людей) и **«надежные друзья»** — среда, также изолированная от государственного контроля, в которой невозможны доносы и т.п.; **«безопасность»** (как состояние относительной комфортности, защищенности против преступников и государственно-административного принуждения); **«материальная независимость»** или **«жизнь в достатке»**. Эти ценности непосредственно определяют практическую мотивацию поведения современного российского человека в его повседневной жизни.

Вообще говоря, ценности семьи являются приоритетными во всем мире. Однако их функциональный смысл в общественных системах разного типа существенно различается. Для частного человека в нынешней России очевидная неэффективность формальных государственных институтов, о недоверии к которым постоянно заявляет основная масса населения, компенсируется устойчивой системой неформальных отношений между самыми близкими: родственниками, друзьями, в меньшей степени — коллегами по работе, соседями. Сети отношений такого рода основаны не на

законе или нормах формальных институтов, а на личных взаимосвязях, обычае, семейной взаимоподдержке, то есть на связях либо аффективных, либо закрепленных традиционными лояльностью и зависимостями. Они гарантируют жителям России существование, относительно защищенное от внешних угроз (произвола властей, опасности стать жертвой хулиганов или преступников, мошенников и т.п.), или выступают в качестве ресурсов при решении экстраординарных проблем повседневной жизни.

Ценности «ближнего круга» можно назвать *операциональными*, так как они являются значимыми элементами массовой мотивации и регуляции повседневного поведения, чем отличаются от *декларативных или идентификационных* ценностей, играющих важную роль в общей структуре идентичности, наборе воображаемых моделей и образцов самовосприятия или обобщенных образов «себя» в ряду «воображаемых» (или «возможных») «других». К последним можно отнести такие ценности, как значения **«культурности и воспитанности»**, **«образованности»**, **«державности»**, **«свободы»**, **«информированности»**, **«альтруистичности»**, **«интересной (творческой) работы»** и прочие, которые для основной массы населения не относятся к действующим компонентам инструментального поведения, достижительской мотивации.

Таким образом, вышеназванные *базовые операциональные ценности* дополняются еще некоторым набором других *декларируемых общественных ценностей*. Они выступают в функции более общего «горизонта» значений, компенсирующих неполноценность частного существования и его «асоциальность», в которой подозревает человека претендующая на монополию выражения интересов коллективности, общности, неконтролируемая обществом власть. Таковы желание **«жить в великой и мощной державе»**, **«быть свободным человеком»**. Последнее является еще и парافразом «материального достатка», поскольку *реальные* ценности свободы действия — мобильности, свободы информации, печати, слова — намного менее значимы для россиян, чем пассивные права на гарантированный государством достаток, медицинское обслуживание, жизнь, работу, пенсионное обеспечение. Они не требуют от индивида собственных усилий достижения. К декларативным ценностям относится и туманное желание быть **«культурным и образованным человеком»**; данное клише воспринимается скорее как претензия на определенное статусное положение, а не

Постсоветский человек и гражданское общество

как готовность и собственные усилия по овладению знаниями. То же расхождение декларации и реального действия стоит за выбором позиции **«быть в курсе событий в стране»** при явном неучастии большинства в событиях, отсутствии интереса к соответствующей информации и реальной индифферентности к происходящему, а также высказываемым желанием **«делать что-то нужное и полезное для людей»** и прочим суждениям, повышающим самооценку опрошенного, но не требующих реализации в его поведении.

Таблица 1

Иерархия массовых суждений о значимости ценностей
(Вопрос: «Насколько важно для вас в жизни...? (в % к числу опрошенных)»)

<i>Варианты ответов</i>	<i>Очень важно</i>
<i>Наиболее значимые операциональные ценности</i>	
1. Иметь крепкую семью	70
2. Чувствовать себя в безопасности	56
3. Быть материально независимым	51
4. Иметь надежных друзей	44
<i>Наиболее значимые идентификационные ценности</i>	
5. Жить в великой и мощной державе	42
6. Жить в достатке, покупать все, что хочется	41
7. Быть свободным человеком	39
8. Иметь интересную работу	34
9. Быть культурным и развитым человеком	31
10. Иметь хорошее образование	30
11. Чувствовать, что твои знания и способности востребованы	25
12. Ощущать принадлежность к своей нации, народности	24
<i>Групповые значимые операциональные ценности</i>	
13. Достичь высокого социального положения в обществе	18
14. Быть в курсе событий в стране	17
15. Делать что-то нужное для других людей	13
16. Участвовать в жизни церкви, прихода, религиозной общины	4

2006 г., N = 3000 человек

Подобная структура ценностей обусловлена характером массовой адаптации населения к многолетней, охватывающей несколько поколений, репрессивной практике государственного управления, тотальному контролю и государственной организации любых сторон жизни, административному произволу, то есть не имеющего других социальных ресурсов выживания, кроме солидарности «своих». При подавленности любых иных форм организации экономики и социального обеспечения, кроме государственных, у людей возникают устойчивые формы зависимости от властей, раздражения от невыполнения ими своих социальных обязательств и недоверия им.

Роль идентификационных ценностей в сравнении с операциональными или инструментальными более многозначна и сложна. Они не только фиксируют генеральную разметку воображаемого социального пространства, выступая в качестве общей системы координат действия и ценностных ориентаций, но и поддерживают самоидентичность массы, в том числе отмечают барьеры между группами и статусами.

Иерархии партикуляристских ценностей соответствует распределение массовых страхов и представлений об остроте социальных проблем. Страхи и представления об остроте проблем социальной жизни россиян можно разделить на несколько комплексов. Они связаны прежде всего с:

а) течением социальной жизни, которое индивид не контролирует и которое определяется неэффективностью или отказом в функционировании социальных институтов, главным образом социальных обязательств патерналистского государства. Угрозы этого рода в основном сводятся к различным страхам перед обнищанием или административным произволом (милиции, властей, чиновников), неоказанием должной помощи или социальных услуг (при ухудшении здоровья, невозможность получить квалифицированную медицинскую помощь);

б) потерей работы, безработицей (не только с потерей доходов, источников существования, но и с выпадением из социального мира, социальной дисквалификацией);

в) отсутствием уверенности в собственной безопасности, страхом перед нападением преступников или хулиганов на улице.

Все ответы о страхах (которые можно рассматривать как негатив или превращенные формы базовых операциональных ценностей) в зависимо-

Постсоветский человек и гражданское общество

сти от степени непосредственности или общности угрозы легко разделяются на четыре категории, различающиеся по интенсивности:

первая — рост цен, девальвация усилий по обеспечению материального достатка и ухудшение здоровья при все более сужающихся возможностях получения адекватной медицинской помощи (предельный уровень беспокойства, охватывающий от половины до двух третей населения);

вторая — отсутствие гарантий, что соответствующие социальные институты будут выполнять свои функции, что государство будет действовать в соответствии с провозглашенными им обязательствами или не употребит имеющиеся в его распоряжении средства насилия во вред гражданам (угроза обнищания, безработицы; произвол чиновников, милиции, злоупотребления начальства; отсутствие средств защиты у частных людей от обмана, мошенничества, экспроприации имущества; девальвации накоплений из-за действий государства). Эти страхи испытывает от четверти до трети населения;

третья — неконтролируемые социальные силы: преступность, терроризм, мировая война, техногенные катастрофы, эпидемии или стихийные бедствия, локальные этнонациональные столкновения или конфликты (от 10 до 20%);

четвертая — репрессивная политика государства или борьба за власть отдельных кланов и групп, приводящая к лишениям или отсутствию безопасности, стабильности жизни в стране (около 10–11%).

В целом, нужно подчеркнуть, что *доминирующие, базовые, ценности* абсолютного большинства населения России (выражены ли они в позитивной или в негативной, «превращенной» форме страхов потерять ценное) имеют традиционалистский, адаптивный и недостижительский характер. Это указывает на отсутствие заметных перемен в условиях и формах социальной организации жизни по сравнению с советским периодом. По-прежнему преобладают адаптивные мотивационные установки, а не ценности, ориентирующие индивида на социальную активность и изменение своего положения, на самоутверждение через признание его заслуг окружающими, повышение квалификации, наращивание продуктивности, проявление инициативы. Иначе говоря, базовые характеристики постсоветского человека не связаны с ценностями, которые задавали бы и поддерживали ориентацию общества на развитие и подъем, так как доминируют исключительно ценности выживания, пассивной или чисто реактивной адаптации к социальным изменениям.

Представления россиян о власти

Принципиально важно, что в массовых представлениях о власти в России доминирует вовсе не понимание ее как источника и гаранта «закона и порядка». Власть — это прежде всего само «государство», его высшее руководство и чиновничество, «начальство», обеспечивающее функционирование государственной машины.

С Конституцией, законами значительно чаще ассоциируют власть только люди с высоким потребительским статусом, то есть слой, где можно предполагать наметки экономических интересов, а также, в меньшей степени, самые молодые, для которых характерна большая приверженность к декларативным или идентификационным ценностям демократического порядка.

Лишь для одной десятой опрошенных власть ассоциируется с социальной защитой и обеспечением малоимущих, при том, что для подавляющего большинства присуще мнение, что свободы больше именно в том государстве, которое «проявляет всестороннюю заботу о своих гражданах, обеспечивает им широкие гарантии и контролирует экономику» — так думают 78% опрошенных; и лишь 14% опрошенных считают, что свободы больше в государстве, «которое, по большей части, не вмешивается в экономические дела и обеспечивает своим гражданам только минимальные социальные гарантии (опять же, среди самых молодых и среди респондентов с высоким потребительским статусом эта доля несколько выше — 18%, а среди жителей столицы — ниже, 10%). Из вышесказанного следует, что подавляющее большинство понимает для себя свободу сквозь призму ностальгического мифа о советском строе с его защищенностью и стабильностью, «уверенностью в завтрашнем дне», гарантированным «выживанием». Это можно понимать и как консервативную реакцию общества на так или иначе услож-

Постсоветский человек и гражданское общество

Таблица 2

Что такое, по-вашему, власть? Что прежде всего приходит вам на ум, когда произносится это слово?
(в % по столбцу, ответы ранжированы по первому столбцу)*

Варианты ответа	Возраст			Потребительский статус					Тип поселения				
	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше	не хватает на продукты	хватает только на продукты	хватает на продукты и одежду	можно приобрести товары длительного пользования	Москва	более 500 тыс. жителей	от 100 до 500 тыс. жителей	города до 100 тыс. жителей	село
Государство, правительство	50	47	49	41	38	45	48	53	50	47	49	42	48
Чиновники	31	32	32	32	33	30	34	28	40	29	36	32	28
Конституция, законы	32	26	25	22	13	23	26	40	28	26	30	24	23
Начальство	26	25	22	24	32	26	22	21	25	24	24	20	28
Возможность командовать людьми	21	26	19	24	27	25	21	20	28	20	26	20	23
Злоупотребления, своекорыстие	16	19	21	23	27	20	20	15	27	17	24	20	18
Привилегии	16	17	18	17	20	15	18	15	31	11	19	17	17
Поддержание порядка	18	17	15	12	9	17	13	19	19	14	15	13	16
Управление делами общества	16	15	14	14	14	11	16	17	15	14	17	12	16
Люди, избранные народом и отвечающие перед ним	17	14	14	10	14	12	13	17	15	14	11	13	14
Насилие, принуждение	6	13	11	14	15	14	10	9	6	12	13	9	14
Направляющая, руководящая сила	15	13	11	11	6	11	14	15	16	13	12	11	13
Социальная защита, обеспечение малоимущих	6	10	12	10	14	11	9	10	11	7	7	11	15
Затрудняюсь ответить	3	2	3	5	4	5	3	0	1	2	2	5	4
Всего	47	32	26	24	22	20	17	15	15	13	12	10	3

Июль 2008 г., N = 1601

* В приводимых таблицах (здесь и далее) сумма ответов может отличаться от 100% в результате ошибки округления. В случае, когда сумма значительно превосходит 100%, респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

нившийся и дифференцировавшийся в результате экономических трансформаций мир повседневных проблем, связанных с положением человека на рынке труда, получением образования, медицинской помощи и пр.

Власть в сознании российского населения обладает свойствами самостоятельности, то есть независимости от общества. Население — это ее ресурс, ее собственность, и оно пассивно соглашается с этой идеологемой и практикой власти. Поэтому невозможно говорить о равновесности прав и свобод граждан и чиновничества. Власть мыслится прежде всего как исполнительная власть, то есть бюрократическая машина. Ни законодательные органы, ни суд, ни средства массовой информации не обладают сколько-нибудь самостоятельным значением и авторитетом в глазах россиян.

Таблица 3

Какую роль играют в общественной и политической жизни страны... (в % по строке)

Варианты ответов	Сумма ответов		Затруднились ответить
	“большую” + “значительную”	“незначительную” + “никакой”	
Президент	68	9	23
Крупные финансисты, банкиры, “олигархи”	60	16	24
Администрация президента	57	16	27
СМИ	51	18	31
Спецслужбы	45	14	41
Правительство	44	17	39
Вооруженные силы	40	26	34
Губернаторы	40	24	36
Директора крупных корпораций	37	26	37
Генпрокуратура	33	23	44
Судебные власти	32	27	41
Церковь	31	37	32
Совет Федерации	30	21	49
Госдума	30	31	39
Политические партии	22	38	40
Интеллигенция	16	47	37
Профсоюзы	9	66	25

2006 г., N = 1600

Характер приведенного распределения мнений свидетельствует о том, что перед нами черты знакомой тоталитарной организации господства. Это предельно централизованная, недифференцированная, персонифицированная в образе «вождя» власть, опирающаяся в первую очередь на неконституционные органы и механизмы господства (администрацию президента) и спецслужбы, выведенные из-под контроля закона, суда и парламента, на фактически монополизированную систему СМИ, вооруженные силы и заместников центральной власти в провинции, а также на директоров и владельцев крупнейших корпораций и предприятий (резидум представлений о плановой государственно-распределительной экономике). Если в 2005 году половина опрошенных была убеждена, что путинская политика выражает интересы спецслужб, то в 2007-м их доля составляла почти две пятых опрошенных (39%). Тем не менее от 72 до 85% опрошенных одобряли деятельность Путина и доверяли ему.

Власть в стране фактически бесконтрольна, поскольку авторитет представительских органов невысок, как считают опрошенные, во всяком случае, их дееспособность вызывает у людей большие сомнения (доля затруднившихся ответить, а также число тех, кто отказывает этим органам в значимости и силе, существенно выше, чем доля утвердительно ответивших на вопрос о их роли в политической жизни страны). Политические партии, профсоюзы, интеллектуальная или культурная элита (интеллигенция) также не пользуются сегодня, по мнению россиян, скольконибудь существенным влиянием. Основную конструкцию массового восприятия власти дополняют демонизируемые в общественном мнении фигуры — «олигархи», воплощающие в себе все негативные качества антипода держателя высшей власти.

Конструкция представлений о власти и массе, которая существует в сознании большинства российского населения и демонстрируется в ответах на вопросы социологов, — *единственная*, о которой оно вообще знает. Но еще более существенно, что ее считают нормальной, причем не только *привычной*, но и *правильной*, даже *более справедливой*, чем иные возможные варианты, или *более подходящей для России*, «близкой ее традициям».

Эта доминирующая в умах большинства конструкция взаимоотношений «власть-масса» внешне напоминает пирамиду: максимум власти

для всех находящихся внизу концентрируется в высшей точке, на вершине, которая увенчана фигурой единственного и безальтернативного первого лица. Важно, что такой «царь горы» символически *олицетворяет* власть, но не обязательно практически *осуществляет* ее. При подавляющем большинстве одобрявших Путина на посту президента доля людей, сдержанно оценивающих конкретные достижения в разных сферах, всегда оставалась значительной. Иными словами, образ первого лица во многом строится независимо от тех или иных ветвей действительной власти, от мотивов и поведения их конкретных представителей. В общественном мнении фигура «главного» им явно противопоставит и также строится на контрасте. На фоне «людей, озабоченных только своим материальным и карьерным благополучием» (такую оценку властного истеблишмента разделяли в 2007 году 60% опрошенных россиян*), мало что в реальности делающий президент выгодно смотрится как «весь в белом».

Но такова лишь одна, внешняя сторона социального портрета власти. За ней рядовому человеку не всегда видно другое, может быть, более важное. Безальтернативная фигура единственного правителя — это точка, в которой представления атомизированной и пассивной массы *сходятся* с интересами самопоглощенной и бесконтрольной власти, хотя эта общность держится, подчеркнем, на разных основаниях. Рядовые россияне исходят из образа *идеальной* власти, согласно которому власть и народ *должны иметь* общие цели и уважать друг друга (так полагали, по данным опроса 2005 года, три четверти россиян, тогда как 19% опрошенных считали, что в идеале власть должна подчиняться народу и быть под его контролем). А сами представители власти, чиновники исходят из вполне прагматичных, если не вовсе циничных соображений близости к уху руководящего лица и его неспособности владеть информацией в деталях.

* Подобная оценка, достаточно устойчивая на протяжении 10 лет (1997–2007), резко изменилась в 2008 году (март, N = 1600 человек): ее придерживаются 31%, тогда как на второе место по значимости вышла характеристика действующей власти как «хорошая команда политиков, ведущая страну правильным курсом» (26% опрошенных; раньше этот вариант ответа выбирали не более 10%).

Постсоветский человек и гражданское общество

Так или иначе, доминантная конструкция российского социума выглядит для респондентов так, словно фигура сверхвластителя контрастно отделена от образа власти, как образ власти — от самочувствия и самоопределения массы. Между ними или рядом с ними в коллективном сознании будто бы и нет никаких иных деятельных субъектов и начал, общественных сил, социальных форм: лидеров мнений, носителей образцов, авторитетных для общества фигур, самостоятельных движений, партий, союзов и т.д. Их не просто *фактически* нет (хотя сегодня это почти что так), для них здесь как бы нет положительной *функции*, нет никакой осмысленной роли. Можно даже сказать больше: в социуме, который так или иначе объединен подобной воображаемой конструкцией «власти — массы», не бывает элит. Здесь есть принципиально по-иному, ведомственно-иерархически организованная номенклатура и аморфная в социальном плане интеллигенция, частично входящая в номенклатуру, частично ее обслуживающая, а в отдельные периоды ослабления господствующего режима — до определенной степени и в определенной части, — от номенклатуры мысленно дистанцирующаяся или, еще реже, ей на практике противостоящая.

Государственный патернализм и феномен институционального недоверия

- Государственно-патерналистские установки более распространены в хронически депрессивной среде малых городов и деревень, где проживает свыше 60% населения страны, чем в крупных городах, особенно в мегаполисах, таких как Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Пермь. В последних развитие рыночной экономики шло очень быстро, и здесь сформировались группы и социальная инфраструктура, относительно независимые от ресурсов власти. Четверть опрошенных в 2006 году россиян (24%) ответили, что их жизнь *во всем* зависит от государства (главным образом это люди старшего возраста, пенсионеры, инвалиды, не имеющие других источников существования, кроме пенсий и пособий); лишь 17% опрошенных в 2008 году считают себя в государстве полноправными гражданами, которые могут влиять на власть через СМИ, выборы и пр. Вместе с тем население страны не питает особых надежд на то, что власти в реальности будут (именно *будут*, а не должны!) «заботиться о нуждах людей»; иллюзии такого рода разделяют менее одной пятой россиян.

Доля людей, полагающихся в сегодняшней жизни только на самих себя, велика, однако это скорее констатация сложившегося положения вещей, и это совсем не означает, что отвечающие так люди самостоятельны. Таковую позицию приходится интерпретировать в контексте других представлений как признание респондентами того *факта*, что государство не выполняет своих прежних социальных обязательств, эта констатация не затрагивает представлений о *справедливости* такого рода. Мнение, что государство *должно* обеспечивать людей необходимым прожиточным минимумом, работой, жильем и т.п., сегодня по-прежнему разделяют более двух третей населения России.

Постсоветский человек и гражданское общество

Таблица 4

Если говорить в целом, как вы считаете: то, что происходит сейчас в стране, идет на пользу небольшой группе людей, озабоченных только своими интересами, или на пользу большинства населения? (в % от соответствующей группы опрошенных)

Варианты ответа	Всего	Возраст				Потребительский статус			
		18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше	не хватает на продукты	хватает только на продукты	хватает на продукты и одежду	можем приобрести товары длительного пользования
На пользу большинства населения	28	35	32	27	23	14	24	30	41
На пользу небольшой группы людей, озабоченных только своими интересами	56	43	50	60	63	65	60	56	38
Затрудняюсь ответить	16	22	18	13	14	21	16	14	21

Июнь 2008 г., N = 1601

Таблица 5

Как должны складываться отношения между государством и его гражданами? (в % от числа опрошенных в соответствующем замере)

Государство должно...	2001	2006	2007
Как можно меньше вмешиваться в жизнь и экономическую активность своих граждан	6	4	7
Устанавливать единые для всех “правила игры” и следить за тем, чтобы они не нарушались	19	25	24
Заботиться обо всех своих гражданах и обеспечивать им достойный уровень существования	71	63	66
Затруднились ответить	4	8	3

N = 1600 человек

Государственный патернализм и феномен институционального недоверия

На протяжении последних 18 лет число людей, воспользовавшихся открывшимися возможностями, проявивших инициативу и добившихся улучшения собственной жизни и своих семей остается, по данным опросов Левада-Центра, постоянным и составляет 7-8% взрослого населения. Но даже эта декларативная установка на инициативу год от года снижается (за 18 лет вдвое: с 25 до 12%).

Таблица 6

Какой принцип отношений между государством и его гражданами вы бы лично поддержали?
(в % от числа опрошенных в соответствующем замере)

Варианты ответов	1990	1997	2007	2008
Люди должны пойти на некоторые жертвы ради блага государства	7	6	4	5
Государство должно больше заботиться о людях	57	68	80	82
Люди должны проявить инициативу и сами позаботиться о себе	25	18	13	12
Затруднились ответить	11	8	3	2

N = 1600

Характерно, что в первую очередь россияне ожидают от власти именно социального и экономического попечения.

Таблица 7

Что такие люди, как вы, сейчас больше всего ждут в России от власти?
(в % от числа опрошенных)

Заботы о материальном благополучии граждан	50
Поддержания порядка в обществе	14
Защиты законных прав и свобод граждан	15
Уменьшения налогов, поборов	6
Чтобы их оставили в покое	3
Ничего особенно не ждут	9
Затрудняюсь ответить	2

2008 г. *N* = 1600 человек

Постсоветский человек и гражданское общество

Напротив, ожидания заботы и помощи со стороны государства, и без того высокие, за последние годы в массе только увеличиваются.

Таблица 8

Сможет или не сможет большинство людей в России прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства? (в % от числа опрошенных в соответствующем замере)

Варианты ответов	1997	2007	2008
Большинство сможет прожить без опеки государства	17	21	15
Большинство не сможет прожить без опеки государства	72	74	81
Затруднились ответить	11	5	4

$N = 1600$

Можно сказать, что за годы после краха СССР, несмотря на все видимые изменения в общественной и политической жизни, в России не произошло *отделения государства от общества* (равно как и *общества от государства*), автономизации и структурно-функциональной дифференциации социальных институтов. Существующая институциональная система не только не обеспечивает — в глазах основной массы населения — достойного существования, но и в очень большой степени выступает фактором произвола, угрозы для повседневной жизни и благополучия людей. Отсюда недоверие со стороны россиян по отношению к большей части социальных институтов в стране (особенно новых, появившихся уже в 1990-е годы).

Таблица 9

В какой мере, на ваш взгляд, заслуживают доверия такие институты, как...?
(в % к числу опрошенных)

Вариант ответа	Полное доверие	Частичное доверие	Отсутствие доверия
Президент	71	15	4
Церковь	40	25	10
Армия	37	33	12
ФСБ	32	29	12
Правительство	30	39	13

Государственный патернализм и феномен институционального недоверия

Продолжение таблицы 9

СМИ	28	40	18
Областные/ республиканские власти	28	34	25
Местные власти	24	33	30
Государственная дума	24	44	17
Совет Федерации	20	37	13
Прокуратура	17	33	21
Суд	15	35	25
Милиция	15	37	32
Профсоюзы	12	25	30
Политические партии	10	37	33

Март 2008 г., N = 2100; затруднившиеся с ответом не приводятся

Доверие и солидарность

Итак, фрагментация социальных связей, изоляция узких кругов своих сопровождается в России массовым недоверием к социальным институтам. В этих условиях недоверие ведет к пассивности, которая, в свою очередь, ослабляет и без того слабое доверие. И это системная черта нынешнего российского социума как продолжения советского.

Показательно, что в зоне относительного доверия россиян многие годы находились армия и православная церковь — наименее современные и наиболее консервативные из существующих институтов, сопротивляющиеся модернизации. За последние два года свой рейтинг доверия повысили и спецслужбы, и подконтрольные президентской власти Госдума и Совет Федерации, которые наряду с партиями пользовались весьма низким доверием как «новые» институты, связанные с «демократией». Но пиком едва ли не всеобщего доверия россиян выступает, конечно же, фигура первого лица. При этом демонстрируемое доверие не связано с деятельностью президента, эффективностью этой деятельности и какими бы то ни было другими «рабочими» характеристиками: практически по всем направлениям. По-прежнему в качестве важнейших проблем, которые президенту и его команде не удастся решить, люди называют социальную незащищенность населения, коррупцию чиновничества, межнациональную напряженность, милицейский произвол, дорожающую медицину, ухудшающуюся экологию и пр. При том, что отношение к власти в России традиционно персонифицировано, речь в данном случае идет вовсе не о конкретном чиновнике на государственной службе, а о его главенствующем месте в воображаемой и привычной конструкции власти и общества.

Это означает, что понятие «доверие» в российском социуме наполнено совсем иным содержанием, чем в развитых обществах, называемых со-

временными. Там в доверии, точнее в системном доверии (по терминологии немецкого социолога Никласа Лумана), социологи видят механизм согласования друг с другом нормативных ожиданий индивида в отношении различных институтов, в которые он включен, на которые так или иначе рассчитывает и в эффективности работы которых он либо имел возможность убедиться сам, либо принял такую оценку значимых для него других людей. Доверие в таких случаях подкрепляется деятельностью институтов, и индивид доверяет *системе*, в которую встраивается по мере социализации, он вкладывает собственные усилия в поддержание этой системы и потому, далее, с достаточной для него частотой убеждается в обоснованности своего исходного доверия. А институты со своей стороны отвечают на доверие *ответственностью*. Это еще одна важная характеристика социальной жизни современных обществ, которая фиксирует новые обобщенные универсалистские основания социального взаимодействия и социальной солидарности в современных обществах. Социум без системы институционализированного доверия и ответственности придется характеризовать как не-, вне- или домодерный. В этом смысле, доверие — выражение свободы индивида, его самостоятельности в выборе и поддержании социальных связей. Отсюда понятен крайне высокий, невероятный для российского сознания, уровень нынешнего доверия граждан, скажем, США или ФРГ, Великобритании или Франции к полиции и суду, политическим партиям и профсоюзам, органам печати и добровольным объединениям, общественным организациям: доверие к ним выказывают от половины до трех четвертей населения, а в некоторых случаях и того выше.

Принципиально иная ситуация в сегодняшней России. Доверие к первому лицу, армии и РПЦ, о котором уже говорилось, относится к таким системам отношений, где от индивида практически ничего не зависит. Именно такую интегральную оценку своего места в сложившемся социально-политическом порядке поддерживают сегодня три четверти россиян и даже более: 72%, по данным опроса в 2007 году, признаются, что не могут влиять на принятие государственных решений, 80% — что не в силах влиять на политическую и экономическую жизни страны. Таким образом, в российском обиходе доверие чаще всего означает, с одной стороны, привычное, можно сказать архаичное, представление о правильном

социальном порядке как иерархическом и безусловном, не обсуждаемом и неизменном — символами такого воображаемого порядка и выступают армия и Русская Православная церковь. С другой стороны, доверие отсылает к персонифицированному и опять-таки не имеющему альтернатив воплощению сверхвласти (президент). На подобную фигуру никому не подначального первого лица (он здесь выглядит как единственный и абсолютный суверен) перекадываются коллективные ожидания, которые сами индивиды не в силах реализовать. Это компенсаторная инстанция разгрузки, освобождения от собственного участия и связанных с ним риска, трудностей, просчетов, потерь, необходимости отвечать за сделанное и несделанное. Иными словами, образы и фигуры коллективного доверия в нынешней России прежде всего олицетворяют привычную для россиян тактику ускользания от взаимности, обязательств и подотчетности, тактику неполного присутствия или даже полного алиби по отношению к происходящему, а далее и к произошедшему, к прошлому.

В вышеописанной картине повседневных социальных и культурных коммуникаций в российском социуме важна социально-психологическая, эмоциональная составляющая мнений и поведенческих характеристик, которая выражает господствующее в обществе состояние апатии, недоверия и разочарования в «другом» человеке, в обобщенном «ближнем». Всплески великодержавной агрессии против не только «своих чужих», но и «чужого мира» (особенно Америки и Запада, где как раз, по мнению подавляющего большинства россиян, жизнь человека наиболее защищена устройством общества, правом, наиболее благополучна, безопасна), отражающие низовые настроения, но широко представленные в последние годы на всех каналах массовых коммуникаций, свидетельствуют о процессах социальной анонимизации общества. В сфере социальной активности, повседневного общения, досуга неготовность или неспособность к социально-активным его формам объясняется значительной частью опрошенных не только недостатком средств и неразвитостью соответствующих инфраструктур, но и «общей усталостью, отсутствием настроения».

Отметим, что среди возможных барьеров на пути людей к самоорганизации, объединению своих усилий ради общих интересов и целей на третьем месте по частоте упоминаний стоит объяснение «большинство

людей устали, замотаны», у них «не хватает сил и свободного времени» (25% от всех опрошенных). Причем это объяснение дается заметно чаще москвичами — 37%, и эта вторая по частоте упоминаний причина после также значительно чаще упоминаемого среди москвичей объяснения — «большинство людей живут по принципу “моя хата с краю”»: их не волнуют проблемы окружающих; так думают 40% москвичей (в среднем среди опрошенных — 29%). Важно, что именно среди жителей столицы, в начале 1990-х представлявших наиболее демократичный и либеральный полюс общественного мнения, на первый план сегодня выходят проблемы взаимного отчуждения, недоверия, астении, усталости «общественной материи».

В крупных городах и столицах сильнее, чем на периферии, выражены напряжения, конфликты, проблемы, связанные с притязаниями на высокий статус, благополучие, достаток, карьеру и возможностями их достижения. В то же время здесь больше возможностей для достижения успеха, увеличения социального статуса, а в повседневной жизни особенно явно присутствуют признаки социальной адаптированности и благополучия, относительного достатка. Это может служить источником особенно сильных напряжений, обостренного переживания разрыва между желаемым, возможным и реально доступным. Тот факт, что в мегаполисах (как и в самом образованном и квалифицированном слое населения) просматривается не менее, а иногда и более острая, чем на периферии, реакция на разрушение привычного уклада жизни «советского человека» с его уравнилельным коллективизмом и заниженными притязаниями, свидетельствует о сильнейших ценностных дефицитах в самой современной городской среде, а значит и о слабости, дефиците гражданского потенциала общества. То, что именно москвичи в большинстве своем считают, что за последние 5 лет в российском обществе стало больше порядка (см. ниже), допустимо трактовать как чисто адаптивную, антимодернизационную реакцию на авторитаризм, подавление публичности, госкапитализм, привыкание к этой сравнительно новой ситуации.

Подавляющее большинство опрошенных, оценивая минувшие 5 лет, полагают, что в обществе стало меньше солидарности, гражданской активности, взаимного доверия и справедливости.

Постсоветский человек и гражданское общество

Таблица 10

Как вы считаете, за последние 5 лет, в российском обществе стало больше или меньше...?
(в % от числа опрошенных по строке)

Варианты ответов	Определенно больше/ скорее больше	Скорее меньше/ определенно меньше	Соотношение больше/ меньше	Затруднились ответить
Свободы	65	21	3,1	14
Справедливости	26	64	0,4	10
Солидарности между людьми	22	68	0,3	10
Взаимного доверия	15	74	0,2	11
Гражданской активности	26	59	0,44	15

Июнь 2008 г., N = 1601

При этом большинство считает, что свободы стало больше. Но это «чужая свобода» (иногда опрошенные прямо называют это свободой чиновников злоупотреблять своими возможностями, то есть произволом). В лучшем случае это свобода от — прежде всего негативная свобода от тотального контроля, от сознания поднадзорных. Общая конфигурация массовых представлений о свободе выглядит сегодня следующим образом.

Полученная (или свалившаяся сверху) свобода не стала конструктивной — «своей свободой», полем реализации собственных желаний, стремлений, планов, интересов. Более трети опрошенных (35%) согласны с мнением, что можно отказаться от свободы слова и других гражданских прав, а категорически несогласных с этим только четверть опрошенных (чаще это молодые образованные жители столицы и крупных городов). Отсюда преобладающее в массе россиян чувство сокращения, съеживания пространств возможного действия и взаимодействия — постоянно ощущаемое ими уменьшение и ослабление солидарности, законности, порядка, активности, взаимного доверия.

Поэтому общее мнение склоняется к тому, что «все, что происходит сейчас в стране, идет на пользу небольшой группе людей, озабоченных только своими интересами» (так считают 56% опрошенных, среди лю-

дей старшего возраста — 63%). Другого мнения — «на пользу большинства населения» — придерживается вдвое меньшая группа (28%), в которой заметно громче звучат голоса молодых (35% в сравнении с 23% пожилых).

Таблица 11

С чем в вашем представлении прежде всего связывается слово «свобода»?
(в % к опрошенным, ответы ранжированы)

Возможность свободно передвигаться и жить в любом месте в стране и за ее пределами	40
Возможность критики власти на всех уровнях	36
Возможность делать все, что хочу, кроме нанесения вреда другим людям	34
Ограничение произвола государства и чиновников разного уровня	31
Возможность беспрепятственно выступать в средствах массовой информации и на демонстрациях, проводить мероприятия в поддержку или против тех или иных политических сил	28
Возможность объединяться в общественные и политические организации в соответствии со своими интересами без вмешательства государства в дела этих организаций	26
Возможность исповедовать любую религию	23
Затрудняюсь ответить	6

Июль 2008 г., N = 1601 человек

В общем контексте доминирующих в общественном мнении представлений — «разрушения» солидарности, утраты взаимного доверия, господства произвола, а не закона, отсутствия «порядка» — очевидно, что в понимании «свободы» явно доминируют не понимание ее как ценности гражданского общества, как индивидуальной свободы и ответственности, а восприятие свободы как произвола или анархии. Для себя эта свобода ценится как неподначальность, освобождение от контроля и

Постсоветский человек и гражданское общество

присмотра, для других расценивается скорее негативно, а спасение от нее видится в «сильной руке». Примечательно, что реставрация авторитарного режима 2000-х годов значительной частью населения воспринимается именно как укрепление законности и порядка, то есть при общем недоверии к власти наличествует немалая готовность воспринимать ужесточение государственного режима как общественное благо. А это значит, что власть для россиян (особенно явно это становится именно в условиях, которые население квалифицирует как хаос и разброд) равнозначна сильной и централизованной власти, государственному единодержавию.

Таблица 12

**Бывают ли такие ситуации в жизни страны,
когда народу нужен сильный и властный руководитель, «сильная рука»?
(в % к числу опрошенных в соответствующем замере)**

<i>Варианты ответов</i>	<i>1989</i>	<i>1994</i>	<i>1995</i>	<i>1996</i>	<i>2006</i>	<i>2007</i>	<i>2008</i>
Нашему народу постоянно нужна «сильная рука»	25	35	33	37	42	45	43
Бывают такие ситуации (например сейчас), когда нужно сосредоточить всю полноту власти в одних руках	16	23	27	32	31	29	29
Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть была отдана в руки одного человека	44	23	24	18	20	18	18
Затруднились ответить	16	18	15	13	8	8	10
<i>Число опрошенных</i>	<i>1500</i>	<i>3000</i>	<i>3000</i>	<i>2500</i>	<i>1600</i>	<i>1600</i>	<i>1500</i>

При этом москвичи чаще других групп указывают на то, что порядка и законности за последние годы стало больше.

Таблица 13

**Как вы считаете, за последние 5 лет в российском обществе стало больше или меньше...?
(в % к опрошенных в соответствующей группе по столбцу)**

Варианты ответов	В среднем	Москва	Города с населением более 500 тыс. чел.	Города с населением от 100 до 500 тыс. чел.	Города с населением до 100 тыс. чел.	Село
законности						
Больше	30	36	34	24	29	32
Меньше	59	45	54	64	60	60
Затруднились ответить	11	19	12	12	11	8
порядка						
Больше	35	63	39	26	33	31
Меньше	57	32	53	63	59	62
Затруднились ответить	8	5	8	11	8	7

Кажется парадоксальным, что москвичи чаще других отмечают такие негативные качества нынешней власти и социального порядка в целом, как давление чиновников, бюрократические привилегии, своекорыстие людей у власти. Однако парадокса тут нет. Москвичи лучше других адаптировались к сложившемуся порядку, приняли его, а потому для них ощутимее его нарушения. Подчеркнем, что сами по себе жалобы на бюрократизм и своекорыстие власти совсем не означают готовность им противостоять и бороться с ними, тем более организованно и последовательно. Москвичи (а в определенной мере и россияне за пределами столицы) так или иначе находят для себя в частном порядке выход из трудных ситуаций и решение назревших проблем, но при этом дистанцируются от общей ситуации, как бы связывая ее чужой с территории-

Постсоветский человек и гражданское общество

ей, с засильем чиновников и коррупцией. Тем самым их жизненная стратегия консервирует сложившиеся формы взаимодействия массы и власти, так что констатация коррумпированности и беспорядка лишь выступает частью стратегии приспособления и выживания. Если отчасти верно, что россияне не доверяют большинству социальных институтов, потому что те плохо работают, то не менее справедливо и обратное заключение: институты работают плохо потому, что россияне ничего не делают для их улучшения, предпочитая улаживать свои дела в частном порядке и в обход закона.

При этом изменения последних пяти лет в области свободы, справедливости, солидарности между людьми, порядка и закона, возможностей проявлять активность более позитивно оцениваются в основном представителями двух подгрупп населения — самыми молодыми (с их тесным кругом своих) и более обеспеченными респондентами, у которых хватает денег на приобретение товаров длительного пользования. К ним в ряде случаев, как ни парадоксально, близки оценки и сельских жителей, то есть более традиционалистски настроенных слоев, которые, однако, более непосредственно чувствуют и свободу от всякого начальства, и взаимосвязь с близкими, и возможность влиять на окружающую жизнь малой общины. Однако все группы без исключения констатируют, что взаимного доверия между людьми за последние годы стало меньше.

Права и их нарушение

Представления о независимом и самостоятельном индивиде в массе российского населения не укоренены и ни в ценностном, ни в институциональном отношении ничем не поддержаны и не обеспечены. Вместе с тем и именно поэтому надежды на помощь государства при всем недоверии к нему у россиян устойчиво сохраняются, поскольку альтернатив такой помощи для рядового человека нет (подробнее об этом см. ниже). В этих условиях вопрос о правах человека приобретает характерный разворот.

Таблица 14

Какие из прав человека, по вашему мнению, наиболее важны?
(в % к опрошенным, ответы ранжированы по первому замеру)

Варианты ответов	1994	1999	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Право на образование, медицинскую помощь, на обеспечение в старости, при болезни	64	68	56	70	66	74	76	74	67
Право на жизнь	63	57	63	52	50	54	61	64	46
Неприкосновенность личной жизни, жилища	55	46	65	44	45	45	52	50	38
Право на хорошо оплачиваемую работу по специальности	49	53	51	51	49	51	57	56	51
Право на гарантированный государством прожиточный минимум	33	33	24	35	38	41	45	40	24

Постсоветский человек и гражданское общество

Продолжение таблицы 14

Право владеть собственностью	29	23	41	25	28	30	35	35	28
Свобода слова	18	14	38	19	19	24	28	28	21
Свобода вероисповедания	14	8	20	13	12	13	16	17	11
Право уехать в другую страну (и вернуться)	11	8	24	13	11	13	15	15	11
Право избирать своих представителей в органы власти	9	8	17	8	10	14	16	14	10
Право на получение информации	8	9	26	12	15	17	19	17	13
Затруднились ответить	6	3	0	1	3	1	1	1	2

$N = 1600$

Как видим, наиболее признаны те обязательства патерналистского государства, которые и восприняты населением как его права: это право на хорошо оплачиваемую работу по специальности и право на социальное обеспечение. Показательно, что именно эти права чаще всего отмечаются населением как ущемляемые и они же лежат в основании легитимности советского и постсоветского социального порядка.

Таблица 15

Какие права, на ваш взгляд, чаще всего не соблюдаются, ущемляются сегодня в России?
(в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	1998	2008
Право на бесплатное образование, медицинское обслуживание	42	53
Гарантированное рабочее место и оплата труда	61	40
Право на жилище	16	30
Право на жизнь, безопасность	41	26
Право на гарантированный прожиточный минимум	29	26
Право на социальное обеспечение	27	24
Неприкосновенность личности и жилища	13	14

Продолжение таблицы 15

Право на собственность	9	13
Свободный выбор места жительства	4	6
Право на свободное волеизъявление, на свободу высказывания	2	4
Право избирать своих представителей в органы власти	2	4
Право уехать в другую страну (и вернуться)	2	3
Право на получение и распространение информации	2	3
Право на свободу совести, вероисповедания	2	2
Затрудняюсь ответить	5	5
<i>Число опрошенных</i>	<i>1500</i>	<i>1601</i>

Нарушение прав человека в стране констатирует свыше 70% россиян (71% по опросу в октябре 2007 года, N = 1600 человек). Оценка сдвигов в этой ситуации за последние годы не внушает особого оптимизма: по данным того же опроса, для 36% опрошенных нарушений прав человека осталось столько же, четверть считает, что их стало даже больше, лишь 22% находят, что их число уменьшилось.

Однако россияне крайне плохо представляют себе, как вести себя в ситуации, когда их права нарушены, даже если это касается одной из самых важных и непосредственно касающихся их сфер, например работы.

Таблица 16

Если ваше начальство на вашей нынешней или будущей работе серьезно нарушит ваши трудовые права, то как вы скорее всего поступите? (в % к опрошенным)

Ничего не стану делать, смирюсь с этим	11
Перейду на другую работу	35
Обращусь в профсоюзную организацию	6
Оспорю решение через суд	22
Обращусь в СМИ	2
Пойду на какие-то крайние меры (голодовка, организация акций протеста)	2
Не работаю и не собираюсь работать	11
Затрудняюсь ответить	11

Июль 2008 г., N = 1601

Постсоветский человек и гражданское общество

Из вышеизложенного видно, что массовая реакция людей — не вступать в конфликт, уйти на другую работу, поскольку они уверены, что им не удастся доказать свою правоту. Ни профсоюзы, ни СМИ совершенно не рассматриваются в этих условиях как помощники. Лишь каждый пятый заявляет, что обратится при нарушении его трудовых прав в суд (конечно, мы имеем здесь дело с декларацией, а не с реальным поведением — об отношении к суду см. ниже). Но еще важнее другое: преобладающее большинство россиян предпочитают государственный патернализм, а не собственную независимость.

Таблица 17

Что сейчас важнее для России: порядок в государстве или соблюдение прав человека?

<i>Варианты ответов</i>	<i>1997</i>	<i>2007</i>
Порядок в государстве	60	54
Соблюдение прав человека	27	36
Затруднились ответить	13	10

N = 1600

Представления о справедливости

Таблица 18

Справедливо ли с вами поступали...?
(ответы ранжированы по первому столбцу, в % от опрошенных по строке)

Варианты ответов	Чаще да	Чаще нет	Затруднились ответить
В семье	84	11	5
Преподаватели, учителя	78	15	7
Коллеги по работе	75	14	11
Начальство на работе	57	30	13
Чиновники, представители власти	24	43	33

Июль 2008 г., N = 1601

Судя по распределению ответов на вопросы о справедливости/несправедливости отношения к респонденту, область наиболее упорядоченных, согласованных и одобряемых отношений ограничивается исключительно личными и неформальными отношениями в семье и дружеском кругу, чуть в меньшей степени — на работе или в учебном классе. Здесь минимальные доли ответов о том, что с опрошенным обходились плохо и несправедливо (причем никаких значимых различий в социально-демографическом плане не заметно). Некоторые отклонения в распределении ответов, выходящие за пределы допустимых статистических колебаний, можно обнаружить в повышенном недовольстве обстановкой в школе и других учебных заведениях среди москвичей (здесь помнят о случаях несправедливости, допущенной по отношению к респонденту, заметно чаще, чем в любых других типах поселения: на них указали 21% москвичей,

Постсоветский человек и гражданское общество

Таблица 19

Справедливо или несправедливо чаще всего поступали с вами в вашей жизни...
(в % к группам опрошенных по столбцу)

Варианты ответов	Образование				Потребительский статус					Тип населенного пункта				
	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	не хватает на продукты	хватает только на продукты	хватает на продукты и одежду	можно приобрести товары длительного пользования	Москва	более 500 тыс. жителей	от 100 до 500 тыс. жителей	города до 100 тыс. жителей	село	
начальство?														
Чаще справедливо	57	61	56	58	52	45	54	56	71	57	63	57	56	51
Чаще несправедливо	30	27	32	25	34	37	33	29	19	26	25	30	30	34
Затрудняюсь ответить	14	12	11	17	15	17	13	15	10	16	12	13	14	15
чиновники, представители власти?														
Чаще справедливо	24	24	26	25	21	18	20	27	28	29	22	27	23	23
Чаще несправедливо	43	39	46	39	47	55	50	39	33	37	38	41	43	49
Затрудняюсь ответить	33	36	29	37	31	27	31	35	39	35	40	32	34	28

Июль 2008 г., N = 1601

тогда как во всех других точках опроса этот показатель составлял 12–16%). Причем к настоящему времени чувство обиженности нарастает: у самых молодых этот показатель составляет 24%, у пожилых — 10% (логично предположить, что с возрастом школьные обиды просто забываются, но не исключено и то, что в современных московских школах, самых обеспеченных по сравнению с провинциальными эрозия советской казарменной дисциплины и жесткой дидактики идет гораздо быстрее, чем в селе или малом городе).

Ощущение несправедливости резко нарастает лишь при выходе за пределы круга «горизонтальных» отношений или строго иерархически упорядоченных по возрасту (младшие принимают авторитет старших, как это имеет место в школе и других учебных заведениях). Но уже отношения «руководитель—подчиненные» (на работе) характеризуются заметной конфликтностью (в 3 раза более высокой, чем в семье и школе, среди равностатусных коллег по работе). Но по-настоящему несправедливым расценивается взаимодействие с властью, где преобладает хроническое чувство неправильности, несправедливости, возможно, оскорбительности по отношению к зависимому респонденту. Здесь «обиженных» почти вдвое больше (в 1,8 раза), чем говорящих о справедливости во взаимодействии рядового человека и чиновника (43 и 24% соответственно). Причем становятся заметны и социальные различия в распределении «обиды»: чувство несправедливости усиливается от центра к периферии и концентрируется на социальной периферии. Особенно сильно оно выражено у самых бедных, наименее адаптированных в повседневной жизни респондентов («денег не хватает на продукты») и среди сельских жителей, где сильнее всего выражены признаки социальной деградации и аномии.

Отметим, что именно в отношениях с властью нормы поведения наименее четко определены или противоречивы, огромная часть людей просто не в состоянии характеризовать свои отношения с властью в категориях справедливости: число затруднившихся с ответом на этот вопрос (при высокой доле говорящих о несправедливости) в среднем составляет треть опрошенных.

В гипотетической ситуации судебного разбирательства между обычным гражданином и представителем власти лишь 13% опрошен-

Постсоветский человек и гражданское общество

Таблица 20

Как Вы считаете, если суд будет рассматривать дела простого гражданина против представителя власти, в чью пользу будет вынесено судебное решение? (в % к опрошенным в соответствующей группе)

Варианты ответов	Возраст				Потребительский статус				Тип населенного пункта				
	18-24 года	25-39 лет	40-54 лет	55 лет и старше	не хватает на продукты	хватает только на продукты	хватает на продукты и одежду	можно приобрести товары длительного пользования	Москва	более 500 тыс. жителей	от 100 до 500 тыс. жителей	города до 100 тыс. жителей	село
По справедливости, в соответствии с законом	17	13	13	12	7	15	13	13	10	15	8	13	17
Скорее в пользу представителя власти, независимо от того, кто прав на самом деле	38	38	35	30	29	30	37	43	27	41	35	36	30
В любом случае в пользу представителя власти, независимо от того, кто прав на самом деле	15	21	24	26	31	27	21	13	17	21	19	24	26
В пользу того, кто даст большую взятку судье, независимо от того, кто прав на самом деле	16	17	18	18	21	17	18	17	27	13	22	17	15
Затрудняюсь ответить	14	12	10	14	13	11	12	14	20	10	15	10	12
Всего	13	35	22	18	12								

Июль 2008 г., N = 1601

ных считают, что «простой человек» может рассчитывать на справедливость суда и соответствие его действий закону. Позиция молодежи или групп с относительно высоким потребительским статусом отличается от позиций пожилых и низкостатусных респондентов тем, что последние еще больше не верят в справедливый и законный исход такого дела. Среди опрошенных москвичей значительнее, чем на социальной периферии выражено представление, что закон будет на стороне того, у кого больше денег.

Понимание справедливости в России предполагает соотнесение не с формальным письменным законом или юридически оформленной системой норм и регулирующих поведение положений и правил, а с невыраженным или выраженным очень смутно и неопределенно *материальным* (ситуативно и субъектно подразумеваемым) пониманием права, предполагающим оценку поведения, «взирая на лица и обстоятельства», то есть применение разных норм к разным субъектам действия, представление о правах, разных на разных уровнях власти или у носителей разных социальных ролей. Отсюда разная степень жесткости оценки нарушителей закона и готовность смириться с разными последствиями нарушения нормы у разных субъектов действия. Представления о справедливости тесно увязаны и с пониманием степеней собственной свободы действия, а значит и собственной ответственности за его результаты. Выраженный государственный патернализм российского населения, ожидание попечительской политики властей в определенном плане являются производными от сознания границ собственной (а не внешней) свободы (декларируемой или признаваемой свободы других) и невозможности изменить рамки существования, навязанные человеку властью. Это не столько какой-то мистический, генетически предопределенный патернализм, вера во власть, но достаточно рационально понимаемые несвобода и зависимость от власти, от ее произвола, неконвенциональности этого произвола, непредсказуемости его. В сумме три четверти россиян уверены, что человек в России редко или совсем не может добиться через суд пересмотра несправедливого решения того или иного государственного органа.

Постсоветский человек и гражданское общество

Таблица 21

Как часто сейчас, обратившись в суд по поводу несправедливого решения государственного учреждения, человек может добиться благоприятного для себя результата?
(в % от числа опрошенных в соответствующем замере)

Варианты ответов	1990	1997	2007
Практически всегда	2	2	2
Часто	8	8	13
Редко	42	41	45
Практически никогда	19	33	24
Затруднились ответить	29	16	15

$N = 1600$

Понятно, что в такой ситуации инстанцией справедливости для россиян выступает мифологизированный образ Европейского суда.

Таблица 22

Где простой человек может скорее добиться справедливости: в российском или в Европейском суде по правам человека? (в % от числа опрошенных)

В российском суде	14
В Европейском суде по правам человека	60
Затруднились ответить	26

Июль 2007 г., $N = 1600$

Представления о демократии

Даже спустя полтора десятка лет после принятия новой Конституции РФ представления россиян о демократии носят спутанный, аморфный и противоречивый характер. Большинство (60%) считает, что в стране нужна демократия, но лишь 20% видят образец в западных странах и США, относительное большинство (45%) считает, что России нужна «совершенно особая, соответствующая национальным традициям и специфике» демократия.

Таблица 23

Как вы считаете, нужны ли сейчас в России... (в % к числу опрошенных по строке)

<i>Варианты ответов</i>	<i>Определенно нужны</i>	<i>В какой-то степени нужны</i>	<i>Совсем не нужны</i>	<i>Затруднились ответить</i>
Порядок	93	2	1	4
Свобода	70	14	9	7
Демократия	49	19	19	13
Либерализм	20	23	34	24

2006 г., N = 1600

Почти две трети населения не имеют ясных представлений относительно того, какой политический строй установлен в сегодняшней России и какой был бы желателен.

Если два года назад предпочтительной политической моделью устройства России относительное большинство называло советскую систему (35%), нынешнюю систему (27% опрошенных), то теперь это соотно-

Постсоветский человек и гражданское общество

шение поменялось — 24 к 36%. А доля людей, желающих иметь «демократию по западному образцу» даже несколько упала — с 18 (2006) до 15% (2008). Еще более осторожный выбор проявляется в предпочтении экономического устройства: нынешнюю, смешанную, экономику считают лучшей 47% опрошенных, плановую — 24%, рыночную — 15%, хотя при прямом выборе между плановой и рыночной экономиками сторонников рынка становится заметно больше — 31%. Но, в целом, чем сильнее поддержка власти, тем выше уровень привлекательности того устройства, которое уже существует в стране. Если не считать сторонников коммунистов (их поддерживает более одной десятой опрошенных, и это главным образом пенсионеры, люди с низким уровнем образования и ограниченным информационным горизонтом), то можно сказать, что полной определенности не было даже у политически более ангажированной публики, собиравшейся принимать участие в парламентских выборах 2007 года.

Таблица 24

Какая политическая система кажется вам лучше? Какую экономическую систему вы хотели бы видеть? (в % к числу респондентов, собиравшихся голосовать за партию)

<i>Собираются голосовать за партию...</i>	<i>“Единая Россия”</i>	<i>КПРФ</i>	<i>“Справедливая Россия”</i>	<i>ЛДПР</i>	<i>“Яблоко”</i>	<i>СПС</i>
<i>Политическая система</i>						
Советская	31	81	32	44	22	4
Нынешняя	35	6	22	25	3	26
Западная демократия	17	5	19	21	38	40
<i>Экономическая система</i>						
Рыночная экономика	16	5	9	16	34	37
Смешанная	53	37	40	46	47	44
Плановая экономика	17	50	28	26	19	19

Октябрь 2007 г., N = 1600, приведены данные только о сторонниках основных политических партий и блоков, данные по затруднившимся с ответом или не собирающимся голосовать не приводятся

Полюса представлены ностальгирующими по советским временам сторонниками КПРФ и жириновцами (последними в меньшей степени), с одной стороны, и демократами (СПС и «Яблоком»), с другой, хотя последние гораздо менее консолидированы и уверены в своем выборе.

Таблица 25

С чем в вашем представлении прежде всего связывается слово «демократия»?
(в % к числу опрошенных)

Позитивные значения	%	Негативные значения	%
Справедливая система управления государством с участием всех граждан на равных основаниях	27	Пустая болтовня, демагогия	19
Гарантии соблюдения властью прав и свобод граждан	27	Это государственное устройство для “нормальных” стран, но не для России	12
Возможность критики властей всех уровней	13	Хаос, беспорядок, анархия	11
Разделение властей и подотчетность власти перед гражданами	9	Система управления, которая доказала свою неэффективность в России	10
Свободная конкуренция политических партий за симпатии избирателей	9	Отсутствие “твердой руки” в управлении страной, распыление ответственности	8
Сумма позитивных ответов	85	Сумма негативных ответов	60

2006 г., N = 1600; сумма ответов больше 100%, так как респонденты могли называть несколько вариантов; ответы ранжированы, затруднились с ответом 10%

Такое состояние массового сознания неслучайно, поскольку сами представления о демократии возникли из трех основных источников; они связаны с: а) неясными идеями политического переустройства, цир-

Постсоветский человек и гражданское общество

кулировавшими во время перестройки (справедливое устройство, возможность критики властей и т.п.) либо б) опытом разочарования, полученным в кризисные времена постсоветского развития («хаос», «демагогия», «безответственность»). Лишь очень небольшая часть опрошенных под «демократией» понимают то, что собственно и составляет демократическую систему: в) разделение ветвей власти, система сдержек и противовесов, конкуренция партий за поддержку избирателей, политическая ответственность, партийное правительство, уходящее в отставку в случае выраженного недовольства граждан. Эти 9–12% респондентов представляют самые образованные и высокодоходные группы городского населения, людей, обладающих сравнительно широким кругом информации, а также хотя бы раз выезжавших за границу и собственными глазами видевших другую жизнь.

Большая часть даже позитивных ассоциаций с понятием демократии указывает на потребность в «справедливости» (уравнительном понимании функций патерналистского государства) либо на идею правового государства, которое тоже, вообще-то говоря, не обязательно связано с «демократией», на необходимость отказа от системы привилегий, а также на возможность свободной (читай безнаказанной) критики властей — система взглядов, сохранившаяся от времен горбачевской перестройки.

Российская многопартийность и электоральная демократия

Конституция 1993 года была сделана лично под Б. Ельцина. Для проведения реформ она предоставляла президенту почти царские полномочия, что в дальнейшем, при смене правителя, обернулось и против самой «демократии», и против политики реформ. Поспешное принятие юридически слабой Конституции, провозглашение «свободы выбора» в условиях распадающегося тоталитарного режима привели к тому, что на поверхность вышли самые массовые, а потому самые консервативные слои и группы, интересы которых не шли дальше физического выживания в условиях острого экономического кризиса, а социально-политические воззрения представляли собой рутинную смесь русского великодержавного национализма и авторитаризма. Такая демократия представляет собой чисто механический перенос заимствуемых моделей политической организации на общество, никогда не знавшее ценностей и норм свободы, права, человеческой автономии, опирающееся на совершенно другие, чем в Европе, культурные, моральные и человеческие основания. Это демократия без необходимых для нее институциональных и культурных форм.

Многопартийность в стране строилась по модулю самой власти — сверху вниз. Она возникла в результате раскола и последующей фрагментации советской партийно-хозяйственной номенклатуры. Партии здесь не выросли из массовых движений. Даже реформистские партии («Демократический выбор России» Е. Гайдара, «Яблоко» Г. Явлинского, «Демократическая партия России», позднее — «Союз правых сил» и другие), провозглашавшие своей целью переход к демократии и рыночной экономике, построение правового государства, не пытались стать выражением социальных интересов конкретных групп, мнений и настроений более продвинутых или ориентирующихся на Запад слоев населения, не стремились консолидировать и оформлять эти аморфные об-

щественные силы в политические движения. Они не ставили задачи добиться понимания избирателями своих программ и стратегий политического действия.

Идеология партийной поддержки в России строилась на совершенно других основаниях, использовала другие мобилизационные механизмы. Голосование на выборах представляло собой одобрение той или иной фракции номенклатуры по соображениям или причинам, часто никак не связанным с материальными интересами или идейными соображениями электоральных групп. Политические партии уже после первого цикла выборов (1993–1996) перестали различаться между собой предвыборными программами, поскольку те носили чисто декларативный характер (все партии выступали за рынок, социальное государство, диктатуру закона и т.п.). Выбор потенциальных избирателей между партиями определялся не характером рационального взвешивания предлагаемых стратегий политических действий, которые избиратели могли бы оценивать и обсуждать, а скорее смутными представлениями о силе и влиянии конкретного лидера партии в сложившейся композиции власти, популистскими иллюзиями и надеждами на его личные политические возможности.

Слабость институциональной системы в России выражалась в преимущественно персоналистском характере представлений масс о сфере политики и мотивах основных акторов. На всех выборах в Думу (1993–2007 годов) избирателю предлагалось лишь манифестировать свое принятие или непринятие власти и ее оппонентов, кандидатов во власть. Основная интрига на выборах сводилась к борьбе двух фракций номенклатуры: «старой» и «новой» власти. Весь сюжет политической жизни в России на протяжении 15 лет сводился к коллизиям удержания и передачи власти в условиях отсутствия институционально упорядоченных правил конкуренции и политической ответственности, определявших механизмы смены руководства государством. Такие темы, как модернизация страны, проведение реформ, внешняя политика, социальная политика, были лишь окказиональными предложениями для легитимации претензий на власть, а не реальными программами действий.

Выборы в условиях авторитарного государства, сложившегося в 2000-е годы, и привычной зависимости от него большинства людей сводятся к

обеспечению демонстративного массового участия населения*. В России сегодня это означает административную мобилизацию наименее модернизированных групп (сельского населения, жителей малых и средних городов), характеризующихся самыми сильными государственно-патерналистскими установками, что обеспечивает успех и победу соответствующей партии власти, действующей номенклатуры (вместе с созданными ею вспомогательными и временными образованиями, связывающими протестные настроения). Роль электоральной демократии в кризисном, но не модернизированном обществе заключается в санкционировании авторитарной системы власти, утратившей прежние источники своей легитимации в экспансионистской идеологии.

Политика реформаторов (или называвших себя так) в начале 1990-х годов предполагала не только приватизацию государственной собственности и формирование слоя, способного быть опорой новой власти, но и консервацию нового российского режима, устранение его оппонентов, создание и поддержание условий политической неконкурентности. Эти тенденции в политической жизни России стали заметны уже после вторых парламентских (1995) и президентских выборов (1996). Именно тогда впервые были широко использованы особые политические технологии манипулирования общественным мнением и административный ресурс для проведения нужных власти кандидатов. Образцово-либеральная по форме Конституция, номинальное разделение властей, парламентаризм, права человека очень быстро обнаружили свой декоративно-риторический характер. «Демократия» осталась на бумаге, не просуществовав более одного избирательного цикла.

* В последних электоральных кампаниях (2007–2008 гг.) администрация президента всеми средствами добивалась явки на избирательные участки, по крайней мере, 70% всех избирателей. Такой высокий процент участия нужен был для создания видимости легитимности системы, хотя для сохранения у власти правящей верхушки в деморализованном обществе при отсутствии сколько-нибудь заметной оппозиции достаточно было бы получения «контрольного пакета» в 30–35% голосов, отданных партии власти. Этого Кремлю хватило бы для проведения любого нужного ему решения, для гарантии доминирования в ключевых органах государственного управления.

Начиная с 1999 года (т.е. после сильнейшего финансово-экономического кризиса 1998 года) признание «законности» российской власти и всей системы ее организации достигалось: а) обращением к эклектичному традиционализму, связующему советское прошлое и российское настоящее, и б) атмосферой безальтернативности выбора тех, у кого в руках уже была власть, у кого находились основные средства управления.

Традиционализм («русская идея», «особый путь» России) после прихода к власти Путина превратился в средство дискредитации самого периода изменений 1991–1998 годов, а значит — самой идеи реформ, возможностей социально-политических инноваций. Определяя ельцинское правление как время распада, хаоса, кризиса*, преодоление которых стало девизом всей путинской политики, кремлевская администрация дисквалифицировала любые сценарии изменений, предлагаемые оппозицией. Эксплуатируя разные комплексы представлений — имперскую идеологию (царский милитаризм и советскую великодержавность), этноконфессиональную исключительность и превосходство русских над другими народами, победу во Великой Отечественной войне и травматический опыт развала СССР**, государственная пропаганда способствовала усилению антизападных настроений, распространению изоляционизма и подъему компенсаторного или защитного русского национализма. Вместе с осторожной реабилитацией Сталина путинская администрация шаг за шагом вела дело к прекращению критической работы над историческим прошлым, вытеснению из массовой памяти всего, что связано с практикой советского террора, представляя КГБ и другие репрессивные институты, а также архаические институты — армию, церковь как последние бастионы национальных ценностей. Выставляя демократические партии в качестве агентов Запада и отечественных «олигархов», а правительство «реформаторов» — виновниками

* Именно в этом контексте надо рассматривать путинское высказывание о коллапсе СССР как «величайшей геополитической катастрофе XX века».

** О консервативной легитимационной роли неотрадиционализма в авторитарных режимах, сменяющего миссионерскую идеологию или политическую религию тоталитарных режимов, см.: *Linz J.J. Totalitaere und autoritaere Regime / (Hrsg.) von R. Kraemer. — Berlin: Berliner Debatte-Verl., 2000.*

разрушения СССР, ответственными за падение жизненного уровня населения в 90-е годы, путинский режим дискредитировал не только их, но и другие организации гражданского общества, особенно те из них, которые были связаны с западными благотворительными фондами. Страх перед «цветными революциями» (массовыми выступлениями против коррумпированных режимов, как это было на Украине, в Грузии, в Киргизии) заставлял руководство России блокировать или подавлять деятельность любых независимых от власти организаций и источников общественного влияния. Тем самым обеспечивалась профилактика появления возможных оппонентов, предоставлялся повод их шельмования, а в некоторых случаях и уголовного преследования. Но сама по себе пропагандистская война против демократов была бы малорезультативной без создания громоздкой системы имитации демократии и форм гражданского общества. На это работали и лишенный собственно политического значения российский парламент, и другие институты, полностью зависимые от администрации президента: суды разного уровня, сервильные СМИ, имитирующие публичность и свободу дискуссий, назначаемая президентом Общественная палата, генеральная прокуратура, возбуждающая по инициативе властей уголовные расследования в связи с политическим «экстремизмом», «коррупцией», «клеветой» на руководителей государства и т.п.

За деградацией сферы политического (механизмов политического целеполагания, конкуренции, ответственности) последовало падение массового интереса к политике и выросло недоверие к основным институтам, определяющим повседневный порядок жизни населения, призванным защищать его интересы: прежде всего к профсоюзам, партиям, милиции, местным властям. Слабость этих институциональных образований провоцирует иллюзорные надежды на вмешательство высшей власти — президента, якобы способного навести порядок, восстановить справедливость или решить какую-то практическую проблему. В этом плане президент выполняет (вместе с двумя другими символическими институтами — церковью и армией) важнейшую компенсаторную функцию в структуре коллективной идентичности.

Крайне низкий уровень доверия к политикам и политическим партиям коррелирует с массовым безразличием к тому, чем занимаются депутаты парламента, каковы их личные политические цели и предпочте-

ния, равно как и с непониманием смысла их деятельности. Лишь 5% опрошенных говорят о том, что хорошо информированы о деятельности депутатов парламента, 50% респондентов имеют об этом только самые общие и весьма смутные представления и 45% ничего не знают о них.

Такие индифферентность и незаинтересованность, проявляемые населением, заметно отличаются от того состояния, что было в первой половине 1990 годов, когда интерес к политике был очень высоким, а заседания парламента транслировались в прямом эфире телевидения. Отчасти безразличие объясняется тем, что, по всеобщему убеждению, ни депутаты, ни партии не выполняют своих обещаний (так считают 75% опрошенных), что депутаты озабочены не решением общенациональных проблем и политических задач, а своими частными карьерными или материальными интересами. Как полагают россияне (сентябрь 2007 г.), «политики рвутся к власти только для того, чтобы самим разбогатеть и сделать карьеру» (43%). Другие распространенные мнения о том, почему люди не доверяют политике: «у нас политики и депутаты никогда не отвечали перед народом и не хотят отвечать» (27%), «они представляют интересы только власти и крупных корпораций, а не простых людей» (16%), «они привыкли обманывать» (15%). Лишь очень небольшие группы респондентов пытаются оправдать депутатов тем, что «они стараются что-то сделать, но не могут» или «им мешают бюрократы» (6–7%), или объясняют их бездействие тем, что «депутаты в принципе ничего не могут сделать в нашей ситуации», что они «занимаются совсем другими важными делами, далекими от обычных людей».

То, что действительно заботит и волнует людей: проблемы материального обеспечения, бедности, выживания, работы и достойного заработка, безопасности, защиты от преступников на улицах и дома — не является сегодня, по мнению россиян, предметом внимания властей и политических дискуссий на телеэкранах*.

* В списке наиболее острых проблем, по данным за июнь 2008 года, лидируют такие, как «рост цен» (82%), «бедность, обнищание большинства» (45%), «резкое расслоение на богатых и бедных» (35%), «недоступность многих видов медицинского обслуживания» (31%), «кризис в экономике» (29%), «рост наркомании» (29%), «рост числа уголовных преступлений» (27%), коррупция, взяточничество» (27%) и т.п.

Российская многопартийность и «электоральная демократия»

Таблица 26

Основные претензии населения к правительству (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	1999	2001	2003	2005	2007	2008
Не может справиться с ростом цен	25	47	48	48	51	57
Не заботится о социальной защите населения	16	33	45	39	42	37
Не в состоянии обеспечить людей работой	18	29	27	36	30	25
Коррупцировано	3	17	20	21	23	27
Не может справиться с падением производства/экономическими проблемами	20	24	21	26	21	23
Недостаточно эффективно борется с преступностью	22	26	20	20	23	22

N = 1600; приводятся только те ответы, которые дали в разные годы более 20% опрошенных

Политическая сфера: возможности действия и проблема ответственности

Равнодушие подавляющего большинства людей к политике нарастает по мере осознания ими мизерности своих возможностей влиять на власть. В среднем за 2000-е годы доля интересующихся политикой составляет 37% опрошенных, не интересующихся — 62%. Более аполитичной оказывается молодежь, для которой новые условия жизни (рыночная экономика, свобода выезда за границу, Интернет и т.п.) представляются чем-то само собой разумеющимся, всегда бывшим. Они не могут вообразить себе, что этих благ нужно добиваться, как это было в советское время. Напротив, люди пенсионного возраста, гораздо сильнее ощущающие на себе деградацию системы социального обеспечения, настроены явно негативно к происходящим переменам и с большим вниманием относятся к текущей политике. Но и те и другие не хотят принимать деятельное участие в общественной и политической жизни, в первую очередь потому, что считают это бессмысленным занятием, так как эффект подобного участия, с их точки зрения, ничтожный.

Таблица 27

Скажите, насколько вы, в целом, интересуетесь политикой? (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	2003	2004	2005	2006	2006	2006	2007
Очень интересуюсь	6	7	6	5	7	6	7
Скорее интересуюсь	28	37	32	34	30	31	37
Скорее не интересуюсь	44	34	36	40	39	41	36
Совсем не интересуюсь	19	20	24	19	24	21	18
Затруднились ответить	2	2	2	2	2	1	2

$N = 1600$

Таблица 28

Оказываете ли вы лично какое-либо влияние на политическую и экономическую жизнь России?

Варианты ответов	2006	2007
Определенно да	1	4
Скорее да	9	11
Скорее нет	31	32
Определенно нет	56	48
Затруднились ответить	3	4

N = 1600

Если сравнить ответы в электоратах различных партий, то мы увидим, что такие мнения разделяет подавляющее большинство даже тех, кто поддерживает нынешний режим и голосует за партию власти.

Таблица 29

Как вы считаете, оказываете ли вы лично какое-либо влияние на политическую и экономическую жизнь в России? (в % по столбцу)

Считают, что...	В среднем	ЕР	КПРФ	СР	ЛДПР	“Яблоко”	СПС
Оказывают влияние*	15	19	7	4	18	14	5
Не оказывают влияния*	81	78	92	95	76	86	95
Затруднились ответить	4	5	3	2	3	0	0

* Сумма ответов «определенно да» + «скорее да» и «скорее нет» + «определенно нет» Октябрь 2007 г., *N* = 1600

Ориентированность суда, милиции, партий, профсоюзов и других социальных институтов исключительно на интересы власти, а не граждан, незащищенность населения от административного произвола оборачиваются массовым сознанием своей беспомощности, которое уравнивается привычным обманом, показной лояльностью начальству*. Двоемыс-

* См.: «Какое из следующих утверждений больше подходит для нынешней России?» (февраль 2006, *N* = 1600 человек): «Граждане контролируют деятельность властей» – 2%, «Власть контролирует деятельность граждан» – 21%, «Граждане и власти контролируют друг друга» – 7%, «Ни власть, ни граждане не контролируют друг друга» – 30%, «Граждане и власть обманывают друг друга» – 31% (затруднились ответить 10%).

Постсоветский человек и гражданское общество

лие — важнейшая составляющая политической культуры россиян. Оно нейтрализует протестный потенциал и препятствует политической консолидации оппозиции, поддерживая в качестве нормы, которую принимает большинство населения, состояние необходимой покорности.

Дело не в каком-то мифическом, «природном» правовом нигилизме российского общества, а в том, что традиционный авторитаризм, опирающийся на никем не контролируемую бюрократию, делает ничтожными законы, даже хорошо написанные.

Таблица 30

Почему граждане России в большинстве своем не контролируют действия властей и не оказывают на них существенного влияния? (в % к числу опрошенных)

Чиновники интересуются только мнением вышестоящего начальства и игнорируют мнения и нужды рядовых граждан	48
Власть очень скудно информирует граждан о своей деятельности	29
Выборы, референдумы, свободные дискуссии играют все меньшую роль в жизни общества	27
Людей мало заботит, чем занимаются органы власти	18
Люди надеются, что власти и так заботятся об их нуждах	17
Затруднились ответить	7

2006 г., N = 1600

Таблица 31

**Почему вы не чувствуете себя под защитой закона?
(в % к числу ответивших, ответы ранжированы)**

Потому что...	%
Законы писаны не для всех; слишком много людей, которые чувствуют себя над законом (представители власти, силовые структуры и др.)	34
Все коррумпировано, я не могу надеяться на честное и объективное рассмотрение моих дел в суде	31
Законы вольно толкуются теми, кто находится у власти	28
Законы постоянно меняются	17
У людей нет средств воздействовать на власть	15

2006 г., N = 1600

Сам вопрос о возможности влияния граждан на власти разного уровня, задаваемый в ходе социологических опросов, вызывает у опрошенных заметную растерянность. Самая большая группа ответов в этом случае сводится к варианту «нет возможностей воздействовать на власть» (41%; вместе с затруднившимися ответить, что по существу эквивалентно первому ответу, они составляют 53%), Такова доминирующая в обществе установка на пассивное признание самого факта произвола власти.

Таблица 32

Имеют ли граждане России возможность влиять на действия власти, если да, то каким образом?

(в % к числу опрошенных, ответы ранжированы)

Нет никаких возможностей повлиять на действия власти	41
Обратиться в Европейский суд по правам человека	19
Обратиться на ТВ, радио, газеты, опубликовать свой материал в Интернете	18
Обратиться в российский суд	17
Организовать акции протеста, гражданского неповиновения, митинги или демонстрации	14
Писать письма и петиции в органы власти	13
Обращаться к своему депутату	10
Создать общественную организацию или активно участвовать в деятельности подобных организаций	9
Затруднились ответить	12

2006 г., N = 1600

Подобное представление о социальном устройстве российского общества является негативом государственного патернализма. Оно характерно в первую очередь для пожилых, малообеспеченных, относительно слабо образованных граждан, жителей села или малых городов. Готовностью к действию — от «обращения в Страсбургский суд» и митингов протеста и участия в деятельности общественных организаций до старых, советских способов («жаловаться в газету» или писать письма и петиции

к властям, обращаться к депутату) — отличаются люди, более образованные и занимающие более высокие статусные позиции. Впрочем, было бы правильнее даже эти ответы рассматривать не более чем декларативное выражение своих идеологических взглядов, а не реальное поведение. Но у социально слабых и обделенных групп нет и этих установок. Они могут лишь терпеть и пассивно принимать любые формы административного произвола.

Россияне в массе своей с равнодушием относятся к деятельности неполитических организаций, составляющих основу гражданского общества, мало им доверяют и не собираются их поддерживать. Более 90% опрошенных (по данным исследований состояния гражданского общества в России 1999–2006 годов) не состоят ни в одной из общественных, неправительственных, благотворительных или каких-то иных организациях. Максимум проявления инициативы или самоорганизации граждан — это участие в деятельности школьных родительских комитетов (2%), спортивных или туристических клубов (2%), ветеранских организаций (1,5%), любительских или молодежных (по 1%), религиозных объединений (менее 1%). Даже членов и сторонников молодежных клубов (например, футбольных болельщиков) в целом насчитывается менее 1%, а в деятельности предпринимательских союзов или правозащитных организаций участвуют от 0,2 до 0,3% взрослого населения (величина статистически ничтожная). 80% россиян не собираются поддерживать ни одну из перечисленных неполитических общественных организаций даже разовыми денежными пожертвованиями.

С этим связано и представление о зонах ответственности индивида, с этой точки зрения, скорее рациональная оценка своих возможностей влиять на ту или иную ситуацию. Чем дальше от семьи, ближнего круга, тем сильнее выражена констатация своей социальной недееспособности.

Россияне готовы отвечать только за то, на что они могут воздействовать и где они дееспособны в социальном плане, в чем реально принимают полноценное и самостоятельное участие. Для абсолютного большинства это семья, в меньшей степени работа, затем дом, в котором живут (исключая, разумеется, сельских хозяев собственного подворья). Фикция участия в общих делах в советском тоталитарном «об-

Политическая сфера: возможности действия и проблема ответственности

ществе-государстве» и постсоветской России сегодня оборачивается отчуждением, отстраненностью, сознанием невозможности что-то сделать, повлиять на какие-либо вопросы или решение проблем, касающихся жителей уже на уровне ЖЭКа, не говоря о районе или городе, а тем более о политической, экономической и социальной ситуации в стране.

Таблица 33

Ощущаете ли вы ответственность за то, что происходит...?
(в % к числу опрошенных)

<i>Варианты ответов</i>	<i>В полной/ значительной мере</i>	<i>В незначительной степени/ не ощущаю</i>	<i>Затруднились ответить</i>
В семье	94	5	1
На работе	45	37	18
В доме, где вы живете	40	55	5
В городе/районе	15	79	5
В стране	10	82	8
В мире	6	84	10

2006 г., N = 3000 человек

Таблица 34

Можете ли вы повлиять на то, что происходит...

<i>Варианты ответов</i>	<i>В полной/ значительной мере</i>	<i>В незначительной степени/ не ощущаю</i>	<i>Затруднились ответить</i>
В вашей семье	76	21	3
С вашими детьми	59	26	15
В доме, где вы живете	44	52	4
В вашем городе, селе, районе	8	88	4
В стране	4	91	5

Июнь 2008 г., N = 1601

Постсоветский человек и гражданское общество

Таблица 35

На чью помощь вы прежде всего рассчитываете в трудных жизненных ситуациях?
(в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	1995	1996	1997	2004	2007
Только на себя	68	40	33	66	71
На родных, друзей	56	47	59	60	54
На помощь предприятия, организации, где работаю (работал)	5	5	5	4	2
На помощь государства (собес)	5	7	3	4	3
На помощь общественных организаций	≥1	≥1	≥1	≥1	1
На благотворительную помощь	≥1	≥1	1	≥1	1
На помощь церкви	2	≥1	≥1	2	2
Затрудняюсь ответить	2	2	2	1	2
Число опрошенных	N = 2000	N = 1600	N = 2400	N = 1600	N = 1600

При дефиците базовых ресурсов, которые в российском социуме и обществах похожего типа контролируются централизованной властью, установка исключительно на адаптацию (причем адаптацию чаще всего понижающую) ведет к фрагментации общественной жизни. Сокращение и обрыв социальных связей, изоляция, атомизация — принципиальные черты обществ, пытающихся выйти из тоталитарного порядка. Из данных вышеприведенной таблицы видно, что социальный мир, на который человек может рассчитывать, практически кончается за пределами круга родных и близких.

Повседневная коммуникация и формы социальности

В повседневном общении большинство российских граждан придерживается самого ближнего окружения — родственников, друзей, особенно друзей детства (таких друзей у опрошенных 50%) и друзей из числа соседей; с коллегами и иными друзьями редко или никогда не общаются на досуге свыше половины опрошенных (соответственно 57 и 52%).

Таблица 36

Как часто вы проводите свободное время вместе со своими... (в % по строке)

Варианты ответов	Почти каждый день	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Несколько раз в год и реже	Никогда
Родственниками	12	23	33	22	11
Друзьями из числа соседей	15	23	21	15	26
Друзьями по работе	7	13	22	26	32
С другими друзьями	4	15	28	35	17

2006 г., N = 3000

Общение по интересам, в рамках каких бы то ни было объединений, инициатив, кружков, ассоциаций и пр. совершенно не значимо для подавляющего большинства взрослых россиян. На коммуникацию, выходящую за рамки частной повседневной жизни, указывают, по данным опросов, в среднем не более нескольких процентов респондентов. Например, даже при высокой декларативной значимости такой идентификационной

Постсоветский человек и гражданское общество

ценности, как принадлежность к православию (к православию причисляют себя до 70% взрослого населения), лишь 2% всех опрошенных связаны тесными узами общения с людьми из церковного прихода, религиозной общины.

Примечательно, что и опосредованная коммуникация (телефон, переписка) тоже наиболее интенсивна только в пределах самого близкого круга. Так, с родственниками, живущими далеко, очень редко или никогда не переписываются и не созваниваются 71% опрошенных, а с друзьями, живущими в других городах и регионах, — 84% опрошенных. При этом нельзя сказать, чтобы круг родственников и друзей опрошенных был сосредоточен лишь в том месте, где они проживают: у 48%, в принципе, есть такие связи в других регионах России, у 14% — в ближнем зарубежье, а у 6% и в дальнем.

Таблица 37

Как часто вы звоните по телефону, переписываетесь...
(в % к опрошенным, по строке)

Варианты ответов	Почти каждый день	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Несколько раз в год и реже	Никогда
С родственниками, живущими в вашем городе, районе	23	28	21	11	18
С друзьями из числа соседей	11	22	17	8	42
С друзьями по работе	9	21	23	13	34
С другими друзьями, живущими в вашем городе, районе	8	20	30	20	23
С родственниками, живущими далеко от вас	1	6	22	52	19
С друзьями, живущими далеко от вас	1	3	13	49	35

2006 г., N = 3000

Весьма плотная интенсивность непосредственного и опосредованного (телефон, переписка) общения с родственниками, и куда меньшая — с друзьями и, что особенно важно, — с нынешними или бывшим коллегами по работе указывают, по крайней мере косвенно, на большую значимость для людей сугубо частной жизни и ограниченных ближним кругом референтных фигур, «горизонтов» понимания и возможностей решения связанных с ней проблем. «Работа», «коллеги», а значит и «дело», «профессия» — обобщенный, социальный план практики ведения собственной жизни, управления ею (веберовское *Lebensführung*) — куда менее значимы для большинства, чем институт семьи.

Многолетние опросы Левада-Центра показывают, что и досуговая активность подавляющего большинства россиян также преимущественно связана с домом, частной жизнью семьи, ближайших родственников и друзей. В то время как подавляющее большинство опрошенных (73%) хотя бы раз в месяц и чаще ходит в гости и принимает гостей у себя (по другим опросам известно, что речь здесь тоже идет прежде всего о самом близком круге родственников и друзей), а также встречается с друзьями вне дома, социально активные, городские формы проведения досуга — походы в кино, театры, на выставки, концерты, занятия спортом, посещения спортивных состязаний и пр., предполагающие хоть какую-то дифференциацию предпочтений, социокультурных ориентаций, интересов, — характерны лишь для очень незначительной части россиян. Преимущественно это достаточно обеспеченная молодежь крупных городов и столиц. При чем главная причина этого — не в низкой платежеспособности значительной части россиян. Процесс domestikации досуга и коммуникативной активности связан прежде всего с разложением прежних советских институтов, обеспечивавших воспроизводство культуры, с разложением культурных и социальных элит, оказавшихся в условиях резких экономических и политических перемен неспособными к новации, с атомизацией и фрагментацией общества, разложением социальности советского типа, заданной и структурированной сверху или извне, государственными структурами и институтами — системой образования и воспитания, институтами государственной культурной, издательской политики, государственными СМИ и пр.

Постсоветский человек и гражданское общество

Таблица 38

Как часто вы... (в % по строке)

Варианты ответов	Раз в неделю и чаще	1–3 раза в месяц	Реже	Практически никогда
Ходите в кино	6	11	23	61
Ходите в театр, на концерт	3	7	27	64
Ходите в гости и сами принимаете гостей	40	33	21	7
Встречаетесь с друзьями вне дома	51	22	18	9

2008 г., N = 1500 человек

Если в межличностном общении, повседневном социальном взаимодействии почти безраздельно доминирует ближний круг — семья и самые близкие друзья (причем подавляющее большинство — 69% опрошенных в 2008 году считают, что близких и надежных друзей у них один-два человека, что их много считают 21% опрошенных и чаще это опять-таки молодые люди до 30 лет), то в сфере масс-коммуникативного поведения безраздельно царит телевидение. По мере «нового огосударствления» телевидения в последнее десятилетие — различных форм цензуры, экономического и идеологического, точнее политтехнологического, давления — все прочие виды коммуникативной активности — от слушания радио и чтения газет до чтения книг — заметно сократили свою значимость (символический престиж) и реальную распространенность.

Таблица 39

Как часто вы... (в % по строке, ответы ранжированы по первому столбцу)

Варианты ответов	Ежедневно	Раз в неделю и чаще	1–3 раза в месяц	Реже	Практически никогда
Смотрите телевизор	83	13	1	1	2
Слушаете радио	42	22	3	9	24
Читаете газеты	19	56	9	6	9
Читаете художественную литературу	14	26	17	22	20
Читаете журналы	6	39	22	16	17

2008 г., N = 1500 человек

Доля постоянных читателей ежедневных газет и периодики, резко упавшая в начале 1990 годов, постепенно снижалась и в 2000-е. Причем крайне малочисленна сегодня именно группа постоянных читателей общеполитических, экономических или финансовых газет и журналов, которые предполагают значимость для читателя иных, более общих, смысловых горизонтов, чем повседневная частная жизнь, и наличие у него более оформленных, артикулированных установок, дифференцированных, специализированных интересов. Доля таких людей в российском населении не превышает в среднем 5–7%. Не меняют картину и пользователи Интернета — газеты читают в сети лишь 2,5% опрошенных (2008 год).

Таким образом, обобщая, можно говорить о растущем разрыве между разными коммуникативными сообществами россиян (центром и периферией страны, более и менее образованными, успешными, доходными, между руководителями и рядовыми работниками, молодежью и пожилыми), об увеличивающемся зазоре между принятым «всеми» интегративным, предельно примитивно и архаично устроенным уровнем «всех» (в данном случае телезрителей) и мелкими группами «немногих» — будь то постоянные читатели прессы, литературы, активные зрители, постоянные пользователи социально значимыми коммуникативными возможностями Интернета или активистами общественных и политических движений.

Групповой уровень и межгрупповые коммуникации в нынешнем российском социуме практически отсутствуют, потому и говорить об «обществе» (соответственно общественных движениях, организациях и т.п.) здесь можно лишь в самых узких социальных сегментах и с очень серьезными оговорками.

Доверие и готовность к взаимопомощи

Готовность людей помогать друг другу и тем более объединяться для этих целей сегодня также оценивается россиянами весьма не высоко.

Таблица 40

Как вы считаете, насколько часто можно встретить сейчас среди окружающих вас людей...
(в % к числу опрошенных, по строке; затруднившиеся с ответом не приводятся)

Варианты ответов	Очень часто/ довольно часто	Довольно редко/ очень редко
Готовность помогать друг другу	24	72
Готовность объединяться, чтобы решать свои проблемы	18	75

2006 г., N = 3000

Ответы свидетельствуют о состоянии атомизированности, индивидуализма, недоверия к «другому», которое разрушает или разлагает саму материю социальности, базовое доверие к другим и возможность социальных конвенций, основанных на взаимных интересах и солидарности, условиях или взаимной договороспособности.

Таблица 41

С каким из двух суждений вы бы скорее согласились? (в % числу опрошенных)

Варианты ответов	1991	1995	1998	2005	2006	2007	2008
Людям можно доверять	36	24	22	22	26	26	26
С людьми надо быть осторожным	41	76	74	77	72	68	70
Затруднились ответить	23	0	4	1	2	6	4
Число опрошенных	4800	2000	1700	1800	1600	2000	2000

Если еще несколько лет назад можно было говорить о том, что наиболее недоверчивы те респонденты, чья молодость и зрелость пришлись на период социальных кризисов, у кого ограничены ресурсы образования, доходов, развитых связей с другими, кто живет в депрессивных социальных зонах (малые города, село — в сумме они составляют более трех пятых взрослого населения страны), то сегодня ситуация такова, что ощущение всеобщего взаимного недоверия, отчуждения разлито по всему обществу.

Массовое восприятие постсоветского социума, как несправедливо устроенного, пронизанного взаимным недоверием и равнодушием, — результат работы механизмов негативной идентичности, когда на «других» переносятся негативно оцененные характеристики собственного поведения. Это довольно явственно прослеживается в массовых установках относительно близкого социального окружения, тех, с кем приходится сталкиваться в повседневной жизни, будь то соседи, дворники, продавцы в магазинах, попутчики в общественном транспорте или просто прохожие. Их социальный портрет довольно значительно изменился за минувшие полтора с лишним десятка лет, особенно в крупных городах и мегаполисах, где сильнее и резче обозначилось социальное расслоение, где гораздо виднее и крайняя бедность, слабость, болезнь, и благополучие, достаток, богатство, где в повседневной жизни нельзя не видеть присутствие «чужих» — мигрантов, гастарбайтеров и др. В отношении маргинальных или социально слабо адаптированных, ущемленных групп, у большинства опрошенных преобладает закрытая и настороженная позиция. Негативные установки по отношению к представителям таких групп в воображаемой ситуации соседства или равнодушное отношение выражены весьма явно.

В слабоинтегрированных в социальную структуру группах в лучшем случае доминирует пассивное сочувствие, максимально выраженное по отношению к старикам, сиротам или бездомным, инвалидам. В этом же опросе подавляющее большинство считает, что реальная помощь таким людям может прийти только от их близких, тогда как основная ответственность за помощь им (а также за ее неоказание) опрошенными практически целиком перекладывается на государство и его соответствующие организации и службы.

Постсоветский человек и гражданское общество

Таблица 42

В какой мере вы согласны или не согласны со следующим суждением:
«Доверять сегодня нельзя никому, разве что самым близким людям?»
(в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	Всего	Образование				Тип населенного пункта				
		18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше	Москва	более 500 тыс. жителей	от 100 до 500 тыс. жителей	города до 100 тыс. жителей	село
Совершенно согласен/скорее согласен	73	68	74	74	74	75	66	70	74	78
Скорее не согласен/совершенно не согласен	22	26	21	21	20	17	31	21	21	18
Затрудняюсь ответить	5	7	5	5	6	8	3	9	5	5

Июнь 2008 г., N = 1601

Таблица 43

Как бы вы отнеслись к тому, если бы вашими соседями стали...
(в % к числу опрошенных; затруднившиеся с ответом не приводятся)

Варианты ответов	С готовностью общаться, помогать	С чувством неловкости, стеснения	С опасением, тревогой	С раздражением, неудовольствием	Сумма негативных чувств	Без особых чувств	В зависимости от того, что это за люди
Семья беженцев из бывшего СССР	28	5	9	5	19	27	23
Многодетная, неблагополучная семья	21	7	19	9	37	22	17
Гастарбайтеры	7	3	16	15	34	30	20
Семья с умственно неполноценным	22	14	14	5	33	23	13

Доверие и готовность к взаимопомощи

Продолжение таблицы 43

Больной СПИДом	9	7	34	9	52	20	9
Люди иной национальности	17	4	7	5	16	31	31
Семья с тяжелым онкологическим больным	29	11	16	3	30	21	10

2006 г., N = 3000

Таблица 44

Какие чувства у вас вызывают...
(в % к числу опрошенных, без затруднившихся ответить)

Варианты ответов	Сочувствие	Желание помочь	Тревогу, страх	Раздражение, неприязнь	Чувство неловкости	Никаких особых чувств
Престарелые	67	32	3	2	2	4
Сироты	62	31	7	1	2	4
Инвалиды	66	30	4	1	3	4
Беспризорники	50	18	19	5	4	8
Матери-одиночки	50	15	3	1	3	24
Жертвы домашнего насилия	52	14	10	2	4	12
Бездомные	61	11	10	7	5	10
Умственно отсталые	54	10	11	3	11	11
Безработные	33	9	6	8	4	37
Больные СПИДом, гепатитом С	22	4	31	16	5	18
Приехавшие на заработки из стран СНГ	10	3	7	19	5	51
Бывшие заключенные	11	3	26	15	5	35
Малолетние проститутки	13	3	19	40	6	16
Алкоголики	10	3	14	52	3	18
Наркоманы	8	2	33	36	2	18

2006 г., N = 1600

Постсоветский человек и гражданское общество

Патерналистские установки и ожидания абсолютного большинства населения предполагают *получение помощи, но не ее оказание другим*, если только эти другие — не родственники или близкие друзья.

Россияне, как уже говорилось, рассчитывают на помощь и поддержку (материальную, моральную) исключительно со стороны двух социальных сил: 1) ближайшего круга родных, в несколько меньшей степени друзей, знакомых и 2) органов государства. Но если высокие ожидания поддержки родных и друзей чаще всего так или иначе оправдываются и подкрепляются реальной практикой повседневных взаимодействий, давая человеку реальную и чуть ли не единственную возможность выжить, то между ожиданиями россиян помощи от государства и реальной помощью государственных органов существует резкий разрыв. Россиянин — человек государственный, но недовольный; привычным фоном патерналистских ожиданий со стороны масс выступает массовая же неудовлетворенность государством, его чиновниками и службами.

В пространстве между государством, властью как источником благ, с одной стороны, и ближним кругом родных и друзей, с другой, для рядового россиянина нет ничего — социальная пустота. Роль промежуточных институтов — общественных движений, организаций, форм самоопределения — в этом плане, по оценкам абсолютного большинства россиян, близка к нулю, доверие к ним низкое. Почти треть россиян (32%) считают, что большинство общественных организаций создано по инициативе власти (уровень доверия к таким образованиям, как, например, Общественная палата, также низкий), одна пятая опрошенных — что такие организации создаются оппозиционными властью силами, а каждый десятый видит тут руку внешних сил. И лишь 14% считают, что большинство общественных организаций в современной России создается снизу.

Лишь меньшинство опрошенных (12%) считают, что таким организациям, как движение автомобилистов или обманутых вкладчиков и т.п., удастся добиться своих целей, большинство (58%) — что это им удастся лишь отчасти, а 16% — что вообще не удастся (12% затрудняются с ответом, опрос 2008 года). Информированность о существовании общественных организаций и даже более или менее одобрительное отношение к их работе не определяют участия в их деятельности, а принадлежность к тем или иным из подобных организаций (профсоюзы, православная

церковь) не повышает их оценку россиянами как авторитетных и эффективных органов общества.

Россияне декларируют сколько-нибудь заметную готовность только к участию в локальных инициативах, которые непосредственно затрагивали бы проблемы их повседневной жизни (по данным опроса 2006 года это, например, озеленение двора — 10%; инициативы по защите жилищных прав — 6%) и в благотворительных инициативах помощи детям, беднейшим слоям населения (7%). Данные о заявленной готовности принять участие в других типах общественных инициатив и движений не выходят за пределы допустимой при таких опросах статистической погрешности, при том, что показатели реального участия еще ниже*.

По данным опроса 2007 года (N = 1600 человек), в каких-либо спортивных клубах, творческих союзах, благотворительных организациях или добровольных общественных объединениях по месту жительства состояли менее 5% взрослых россиян, и лишь две трети (64%) данной подгруппы посещали встречи, собрания каких-либо из этих клубов, организаций, объединений хотя бы раз в месяц. Получается (и это подтверждают результаты еще одного опроса Левада-Центра в том же 2007 году, N = 2400 человек), что в деятельности женских, молодежных, религиозных и каких бы то ни было иных добровольных объединений и групп участвуют, по их признанию, от 1 до 3% взрослых россиян. Невозможно говорить об этой совокупности более подробно и сколько-нибудь обоснованно: по величине она находится в пределах допустимой статистической погрешности.

* Для сравнения: по данным на середину 1990 годов, 82% американских граждан, 68% граждан ФРГ, 53% британцев и 39% французов, по их заявлениям, состояли членами той или иной общественной организации. Работали в общественных организациях на добровольных и бесплатных началах 60% опрошенных в США, 31% в Германии, 26% в Великобритании, 35% во Франции. Количество людей, работавших в американских благотворительных организациях на общественных началах с 1977-го по 1995 год, увеличилось вдвое. В 1994 году 73% старшеклассников в Америке работали на общественных началах, 45% из них — несколько раз в год, 17% — два-три раза в месяц, 11% — не реже раза в неделю (*Lipset S.M. American Exceptionalism. — N.Y., 1996. — P. 278; Murswieck A. Gesellschaft // Laenderbericht USA / Willi Paul Adams, Peter Loesche (Hrsg.). — Bonn, 1978. — S. 712–715.*

Постсоветский человек и гражданское общество

Важно не смешивать (как это нередко делают в текущей публицистике) подобную фрагментацию, защитную и опять-таки реактивную по своим функциям, с формированием и укреплением пространств *частной жизни*. Последнее требовало бы отстаивания и поддержания гарантированных прав на автономию приватного существования, не говоря уже о частной собственности, неприкосновенность которой, как убеждены россияне, им почти не гарантирована.

Персонализированные связи родства, близости, дружбы, даже профессиональной солидарности, которые существовали в позднесоветском обществе, сохраняются и в постсоветском социуме. Однако административно-государственная система управления почти полностью вытеснила моральную солидарность и гражданскую ответственность из сферы общих или коллективных социальных отношений, что привело к практически полному отсутствию невластных социальных связей и организаций. Ограниченность социально-институциональных ресурсов оборачивается стойким дефицитом социального расположения, позитивного интереса к другим, апатией, аномической самоизоляции.

О гражданском просвещении

Хорошо жить — значит жить общественной жизнью.

Плутарх

Правда, увы, состоит в том, что ни люди, ни институты никуда не годятся, так как последние суть продукт первых.

Иосиф Бродский

Постсоветский человек отличается, на мой взгляд, от советского человека, прежде всего тем, что он уже знает, видит это повседневно, что живет в стране, вступившей на путь капиталистического развития и экономической свободы.

Если в СССР пространство советского языка, пронизанного репрессивной идеологией, блокировало саму возможность оформления и кристаллизации индивидуальной человеческой мысли, естественных нравственных чувств, то сегодня, выражаясь философским языком, можно сказать, что *нравственное состояние* чувства постсоветского человека отличается от его *естественного* чувства тем, что это то же самое чувство, но как бы «узнавшее» себя. Не случайно большинство российских респондентов относится к свободе конкретно: *у кого деньги и власть — у того и свобода*. Отсюда чувства взаимного недоверия, зависти, цинизма, неуверенности, фиксируемые социологическими опросами. А те, у кого есть деньги и власть, полагают, что люди свободны тогда, когда у них появляется *выбор*, и, следовательно, чем больше возможностей выбора, тем больше в стране свободы.

Но так ли это на самом деле? Не содержит ли понимание экономической свободы как наличия только выбора (которое разделяет российский бизнес) очевидное противоречие, когда, с одной стороны, она приводит к утверждению неограниченной власти денег и произвола рынка, а с другой стороны, в виде ответной реакции порождает в обществе атмосферу всеобщей неуверенности? Возможно ли в таком случае появление в со-

Постсоветский человек и гражданское общество

временной России действительно свободного человека, просвещенного гражданина, а значит, и независимых демократических институтов?

Обратимся к другому — философскому — определению свободы, предполагающему не столько наличие выбора, сколько внутренней нравственной дисциплины. «Свобода — это феномен, который имеет место там, где нет никакого выбора. А есть нечто, что в себе самом содержит необходимость. То есть является необходимостью самого себя» (М. Мамардашвили).

Фактически именно к такому определению свободы все больше склонялись европейские мыслители в эпоху Просвещения, размышляя о гражданском обществе и правах человека. Поскольку цель просвещения состояла в раскрытии смысла свободы.

Свобода, утверждали они, не является естественным состоянием общества. Чтобы обладать свободой, человек должен соотнести ее с моралью, без которой немислимы взаимоотношения людей. Поэтому можно и нужно говорить о правах, если люди мыслятся во взаимном отношении друг к другу. Право — ничто вне таких отношений. И задавали вопрос: как могут сосуществовать свободные существа — ведь в этом состоит смысл права как измерения морали? И отвечали: совместное существование людей возможно при условии, если каждый ограничивает свою свободу настолько, чтобы сохранить свободу других. Свобода одного упирается в свободу другого и имеет эту последнюю условием собственной свободы. Мораль абсолютна, а наше отношение к морали (в момент выбора между лучшим и худшим) должно быть относительным, то есть оформленным в виде правовых юридических норм, так как чисто логическим путем моральную норму вывести невозможно. Относительное не противоположно абсолютному. Моральный опыт можно извлечь только из окружающей действительности.

Реальность этих высказываний становится очевидной, когда появляется общность свободных людей. И она исчезает, как только такая общность оказывается невозможной.

Следовательно, сама по себе мысль о свободе не способствует гражданскому просвещению, если человек не предпринял для этого личных усилий и не отличил хотя бы раз в своей жизни *понятие* мысли от *живой мысли*. Так как речь в этом случае «идет об обращении к тому, что *уже*

есть в каждом из нас, раз мы живы и жили, раз случилось и случается такое событие, как человек, личность»*.

Свобода и право — два основных понятия, с которыми напрямую связаны история европейского просвещения и становление гражданского общества.

Известная мудрость гласит: человек, не понимающий себя, не слышит другого. В этом нетрудно убедиться, наблюдая сегодня за российскими теледебатами на морально-политические темы, когда оппоненты приводят друг другу, казалось бы, убедительные факты и не могут остановиться, потому что сами по себе любые факты без обсуждения их моральных предпосылок уводят в дурную бесконечность. «Я могу представить себе, — писал Кант в трактате “К вечному миру”, — **морального политика**, то есть такого, который устанавливает принципы государственной мудрости, совмещающей с моралью, но не **политического моралиста**, который приспособливает мораль к потребностям государственного деятеля». И в другом месте: свобода растет вместе со степенью моральности в общественных делах. Ибо смысл просвещения состоит в том числе и в возрождении морали.

Буржуазно-демократическая революция, которая началась в России в начале XX века и была прервана в 1917 году, в наши дни продолжается. И нет сомнения, что после торжества «духа буржуазности» и отказа от традиционных, привычных навыков мышления наступит момент, когда у россиян появится внутренняя потребность в свободе, и они начнут не только понимать, но и отстаивать свои права и свободы.

Ю.П. Сенокосов,
главный редактор журнала «Общая тетрадь»

* Мамардашвили М. Мой опыт нетипичен. — СПб.: Азбука, 2000. — С. 26.

Приложение

<p><i>Опрос по репрезентативной выборке населения России, 1601 человек в возрасте 18 лет и старше, проведен 20–23 июня 2008 года</i></p>	<p><i>Количество ответов</i></p>	<p><i>% от числа опрошенных</i></p>	<p><i>% от числа ответивших</i></p>
<p>1. Если говорить в целом, как вы считаете: то, что происходит сейчас в стране, идет на пользу небольшой группе людей, озабоченных только своими интересами, или на пользу большинства населения?</p> <p>1. На пользу большинства населения 2. На пользу небольшой группы людей, озабоченных только своими интересами 9. Затрудняюсь ответить</p>	<p>1601 455 888 257</p>	<p> 28 56 16</p>	<p> 28 56 16</p>
<p>2А. Справедливо или несправедливо чаще всего поступала с вами в вашей жизни ваша семья?</p> <p>1. Чаще справедливо 2. Чаще несправедливо 9. Затрудняюсь ответить</p>	<p>1601 1346 173 82</p>	<p> 84 11 5</p>	<p> 84 11 5</p>
<p>2В. Справедливо или несправедливо чаще всего поступали с вами в вашей жизни ваши учителя, преподаватели?</p> <p>1. Чаще справедливо 2. Чаще несправедливо 9. Затрудняюсь ответить</p>	<p>1601 1242 234 125</p>	<p> 78 15 8</p>	<p> 78 15 8</p>
<p>2С. Справедливо или несправедливо чаще всего поступали с вами в вашей жизни ваши коллеги по работе?</p> <p>1. Чаще справедливо 2. Чаще несправедливо 9. Затрудняюсь ответить</p>	<p>1601 1205 223 173</p>	<p> 75 14 11</p>	<p> 75 14 11</p>

Продолжение таблицы

2D. Справедливо или несправедливо чаще всего поступало с вами в вашей жизни ваше начальство?	1601		
1. Чаще справедливо	906	57	57
2. Чаще несправедливо	474	30	30
9. Затрудняюсь ответить	220	14	14
2E. Справедливо или несправедливо чаще всего поступали с вами в вашей жизни чиновники, представители власти?	1601		
1. Чаще справедливо	386	24	24
2. Чаще несправедливо	684	43	43
9. Затрудняюсь ответить	531	33	33
3A. В какой мере вы можете повлиять на то, что происходит с вашими детьми?	1601		
1. В полной мере	340	21	21
2. В значительной мере	608	38	38
3. В незначительной мере	284	18	18
4. Совершенно нет	126	8	8
9. Затрудняюсь ответить	244	15	15
3B. В какой мере вы можете повлиять на то, что происходит в вашей семье?	1601		
1. В полной мере	385	24	24
2. В значительной мере	836	52	52
3. В незначительной мере	267	17	17
4. Совершенно нет	64	4	4
9. Затрудняюсь ответить	50	3	3
3C. В какой мере вы можете повлиять на то, что происходит в доме, где вы живете?	1601		
1. В полной мере	190	12	12
2. В значительной мере	513	32	32
3. В незначительной мере	549	34	34
4. Совершенно нет	283	18	18
9. Затрудняюсь ответить	66	4	4
3D. В какой мере вы можете повлиять на то, что происходит в вашем городе, районе, селе?	1601		
1. В полной мере	25	2	2
2. В значительной мере	99	6	6

Постсоветский человек и гражданское общество

Продолжение таблицы

<i>Опрос по репрезентативной выборке населения России, 1601 человек в возрасте 18 лет и старше, проведен 20–23 июня 2008 года</i>	<i>Количество ответов</i>	<i>% от числа опрошенных</i>	<i>% от числа ответивших</i>
3. В незначительной мере	496	31	31
4. Совершенно нет	920	58	58
9. Затрудняюсь ответить	61	4	4
3Е. В какой мере вы можете повлиять на то, что происходит в стране?	1601		
1. В полной мере	10	1	1
2. В значительной мере	50	3	3
3. В незначительной мере	255	16	16
4. Совершенно нет	1200	75	75
9. Затрудняюсь ответить	86	5	5
4. В какой мере вы согласны или не согласны со следующим суждением: "Доверять сегодня нельзя никому, разве что самым близким людям"?	1601		
1. Совершенно согласен	522	33	33
2. Скорее согласен	644	40	40
3. Скорее не согласен	298	19	19
4. Совершенно не согласен	51	3	3
9. Затрудняюсь ответить	86	5	5
5. Что такое, по-вашему, власть? Что прежде всего приходит вам на ум, когда произносится это слово?	1601		
1. Насилие, принуждение	185	12	12
2. Государство, правительство	745	47	47
3. Чиновники	508	32	32
4. Начальство	383	24	24
5. Возможность командовать людьми	359	22	22
6. Конституция, законы	413	26	26
7. Управление делами общества	233	15	15
8. Привилегии	273	17	17
9. Поддержание порядка	240	15	15
10. Злоупотребление, своекорыстие	322	20	20
11. Социальная защита, обеспечение малоимущих	163	10	10
12. Направляющая, руководящая сила	196	12	12

Продолжение таблицы

13. Люди, избранные народом и отвечающие перед ним	212	13	13
14. Другое	15	1	1
15. Затрудняюсь ответить	53	3	3
6А. Как вы считаете, за последние 5 лет в российском обществе стало больше или меньше свободы?	1601		
1. Определенно больше	270	17	17
2. Скорее больше	777	49	49
3. Скорее меньше	278	17	17
4. Определенно меньше	58	4	4
9. Затрудняюсь ответить	219	14	14
6В. Как вы считаете, за последние 5 лет в российском обществе стало больше или меньше справедливости?	1601		
1. Определенно больше	31	2	2
2. Скорее больше	385	24	24
3. Скорее меньше	718	45	45
4. Определенно меньше	299	19	19
9. Затрудняюсь ответить	167	10	10
Нет ответа	0	0	--
6С. Как вы считаете, за последние 5 лет в российском обществе стало больше или меньше солидарности между людьми?	1601		
1. Определенно больше	48	3	3
2. Скорее больше	301	19	19
3. Скорее меньше	743	46	46
4. Определенно меньше	355	22	22
9. Затрудняюсь ответить	154	10	10
6Д. Как вы считаете, за последние 5 лет в российском обществе стало больше или меньше законности?	1601		
1. Определенно больше	44	3	3
2. Скорее больше	439	27	27
3. Скорее меньше	632	40	40
4. Определенно меньше	308	19	19
9. Затрудняюсь ответить	178	11	11
6Е. Как вы считаете, за последние 5 лет в российском обществе стало больше или меньше порядка?	1601		

Постсоветский человек и гражданское общество

Продолжение таблицы

Опрос по репрезентативной выборке населения России, 1601 человек в возрасте 18 лет и старше, проведен 20–23 июня 2008 года	Количество ответов	% от числа опрошенных	% от числа ответивших
1. Определенно больше 2. Скорее больше 3. Скорее меньше 4. Определенно меньше 9. Затрудняюсь ответить	46 508 573 344 130	3 32 36 22 8	3 32 36 22 8
6Б. Как вы считаете, за последние 5 лет в российском обществе стало больше или меньше взаимного доверия? 1. Определенно больше 2. Скорее больше 3. Скорее меньше 4. Определенно меньше 9. Затрудняюсь ответить	1601 22 226 750 434 169	1 14 47 27 11	1 14 47 27 11
6Г. Как вы считаете, за последние 5 лет в российском обществе стало больше или меньше гражданской активности? 1. Определенно больше 2. Скорее больше 3. Скорее меньше 4. Определенно меньше 9. Затрудняюсь ответить	1601 59 356 557 393 236	4 22 35 25 15	4 22 35 25 15
7А. Как вам кажется, среди людей, которые вас окружают, большинство... 1. Те, кто нуждается в свободе, несмотря на груз неопределенности и ответственности за решения, которые приходится принимать 2. Те, для кого груз неопределенности и ответственности слишком обременителен, и потому они готовы поступиться частью своей свободы 9. Затрудняюсь ответить	1601 682 553 366	43 35 23	43 35 23
7Б. К какому типу людей вы бы сами себя отнесли: 1. Те, кто нуждается в свободе,	1601		

Продолжение таблицы

несмотря на груз неопределенности и ответственности за решения, которые приходится принимать	707	44	44
2. Те, для кого груз неопределенности и ответственности слишком обременителен, и потому они готовы поступиться частью своей свободы	493	31	31
9. Затрудняюсь ответить	401	25	25
8. Как вы думаете, в каком из следующих государств больше свободы?	1601		
1. В государстве, которое проявляет все-стороннюю заботу о своих гражданах, обеспечивает им широкие гарантии и контролирует экономику	1242	78	78
2. В государстве, которое по большей части не вмешивается в экономические дела и обеспечивает своим гражданам только минимальные социальные гарантии	220	14	14
9. Затрудняюсь ответить	138	9	9
9. Не могли бы вы сказать, с чем в вашем представлении прежде всего связывается слово "свобода"?	1601		
1. Возможность беспрепятственно выступать в средствах массовой информации и на демонстрациях, проводить мероприятия в поддержку или против тех или иных политических сил	454	28	28
2. Возможность объединяться в общественные и политические организации в соответствии со своими интересами без вмешательства государства в дела этих организаций	419	26	26
3. Возможность критики власти на всех уровнях	578	36	36
4. Возможность исповедовать любую религию	368	23	23
5. Возможность свободно передвигаться и жить в любом месте в стране и за ее пределами	646	40	40
6. Возможность делать все, что хочу, кроме нанесения вреда другим людям	541	34	34

Постсоветский человек и гражданское общество

Продолжение таблицы

<i>Опрос по репрезентативной выборке населения России, 1601 человек в возрасте 18 лет и старше, проведен 20–23 июня 2008 года</i>	<i>Количество ответов</i>	<i>% от числа опрошенных</i>	<i>% от числа ответивших</i>
7. Ограничение произвола государства и чиновников разного уровня	488	31	31
8. Другое	7	0	0
9. Затрудняюсь ответить	95	6	6
10. Какие права, на ваш взгляд, чаще всего не соблюдаются, ущемляются сегодня в России?	1601		
1. Право на собственность	200	13	13
2. Право на жизнь, безопасность	408	26	26
3. Гарантированное рабочее место и оплата труда	646	40	40
4. Право на жилище	480	30	30
5. Свободный выбор места жительства	103	6	6
6. Неприкосновенность личности и жилища	217	14	14
7. Право на получение и распространение информации	53	3	3
8. Право на гарантированный прожиточный минимум	409	26	26
9. Право на социальное обеспечение	384	24	24
10. Право на свободное волеизъявление, на свободу высказывания	62	4	4
11. Право избирать своих представителей в органы власти	59	4	4
12. Право уехать в другую страну (и вернуться)	47	3	3
13. Право на бесплатное образование, медицинское обслуживание	854	53	53
14. Право на свободу совести, вероисповедания	38	2	2
15. Другое	12	1	1
16. Затрудняюсь ответить	86	5	5
11А. Согласны ли вы с мнением: "Если мне будет гарантирована нормальная зарплата и приличная пенсия, я готов отказаться от свободы слова и других гражданских прав"?	1601		

Продолжение таблицы

1. Совершенно согласен	181	11	11
2. Скорее согласен	382	24	24
3. Скорее не согласен	455	28	28
4. Совершенно не согласен	413	26	26
9. Затрудняюсь ответить	170	11	11
11В. Согласны ли вы с мнением: "Пока дела в стране идут благополучно, мне в целом-то безразлично, кто находится у власти"?	1601		
1. Совершенно согласен	230	14	14
2. Скорее согласен	509	32	32
3. Скорее не согласен	427	27	27
4. Совершенно не согласен	295	18	18
9. Затрудняюсь ответить	141	9	9
12. Если ваше начальство на вашей нынешней или будущей работе серьезно нарушит ваши трудовые права, то как вы скорее всего поступите?	1601		
1. Ничего не стану делать, смирюсь с этим	177	11	11
2. Перейду на другую работу	554	35	35
3. Обращусь в профсоюзную организацию	97	6	6
4. Оспарю решение через суд	347	22	22
5. Обращусь в СМИ	29	2	2
6. Пойду на какие-то крайние меры (голодовка, организация акций протеста)	28	2	2
7. Другое	16	1	1
8. Не работаю и не собираюсь работать	172	11	11
9. Затрудняюсь ответить	181	11	11
13. Как вы считаете, если суд будет рассматривать дела простого гражданина против представителя власти, в чью пользу будет вынесено судебное решение?	1601		
1. По справедливости, в соответствии с законом	209	13	13
2. Скорее в пользу представителя власти, независимо от того, кто прав на самом деле	558	35	35

Постсоветский человек и гражданское общество

Продолжение таблицы

Опрос по репрезентативной выборке населения России, 1601 человек в возрасте 18 лет и старше, проведен 20–23 июня 2008 года	Количество ответов	% от числа опрошенных	% от числа ответивших
3. В любом случае в пользу представителя власти, независимо от того, кто прав на самом деле	358	22	22
4. В пользу того, кто даст большую взятку судье, независимо от того, кто прав на самом деле	281	18	18
10. Затрудняюсь ответить	196	12	12
14. Как вы считаете, большинство общественных движений, инициатив в современном российском обществе возникает... 2. По частному почину граждан, снизу, независимо от власти или иных политических сил 3. По инициативе власти 4. По инициативе иных политических сил, находящихся в оппозиции власти 5. По инициативе внешних сил, заинтересованных в определенном развитии России 9. Затрудняюсь ответить	1601 229 506 342 175 349	 14 32 21 11 22	 14 32 21 11 22
15. Как вы считаете, в какой мере общественным движениям, например, таким как движение автомобилистов, обманутых вкладчиков и т.п., обычно удается достичь своих целей? 1. В полной мере 2. В большой мере 3. Лишь отчасти 4. Совершенно не удается 9. Затрудняюсь ответить	1601 34 172 939 262 195	 2 11 59 16 12	 2 11 59 16 12
16. Что, по вашему мнению, мешает людям самостоятельно, без участия властей объединять свои усилия, предпринимать совместные действия для решения своих проблем и общественно важных задач?	1601		

Продолжение таблицы

1. Большинство людей неспособны объединиться, договориться, прийти к общему мнению	324	20	20
2. Большинство людей не имеют организационных навыков, опыта решения практических задач	370	23	23
3. Большинство людей не имеют силы (веса, влияния), необходимых для решения практических задач	312	20	20
4. Большинство людей устали, "замотаны", у них не хватает сил и свободного времени	396	25	25
5. Большинство людей ленивы, апатичны и безынициативны	290	18	18
6. Большинство людей действуют только в своих личных интересах, равнодушны к проблемам других	288	18	18
7. Большинство людей живут по принципу "моя хата с краю", их не волнуют проблемы окружающих	468	29	29
8. Большинство людей не верят социально активным людям, думаю, что те действуют небескорыстно	246	15	15
9. Большинство людей не верят в то, что такая деятельность может принести весомые результаты	492	31	31
10. Большинство людей не хотят заниматься чем-то "неофициальным", не поддержанным властями	127	8	8
11. Большинство людей опасаются преследований со страны властей	228	14	14
12. Другое	7	0	0
13. Затрудняюсь ответить	112	7	7
S1. Пол	1601		
1. Мужской	725	45	45
2. Женский	876	55	55
S2. Возраст	1601		
1. 18–24 года	233	15	15
2. 25–39 лет	430	27	27
3. 40–54 года	482	30	30
4. 55 лет и старше	455	28	28

Постсоветский человек и гражданское общество

Продолжение таблицы

Опрос по репрезентативной выборке населения России, 1601 человек в возрасте 18 лет и старше, проведен 20–23 июня 2008 года	Количество ответов	% от числа опрошенных	% от числа ответивших
S3. Образование	1601		
1. Начальное или ниже (не закончена неполная средняя школа)	45	3	3
2. Неполная средняя школа (7–8, сейчас 9, классов)	185	12	12
3. ПТУ на базе неполной средней школы	120	8	8
4. Средняя школа (10, сейчас 11, классов)	288	18	18
5. ПТУ на базе средней школы	174	11	11
6. Среднее специальное образование (техникум)	459	29	29
7. Незаконченное высшее (не менее 3-х курсов вуза)	54	3	3
8. Высшее (закончен вуз)	277	17	17
S4. Род занятий	1601		
1. Независимый предприниматель	32	2	2
2. Руководитель, управленческий работник	69	4	4
3. Специалист без руководящих функций (со специальным образованием)	257	16	16
4. Военнослужащий, МВД, прокуратура	25	2	2
5. Служащий без специального образования	172	11	11
6. Рабочий (в т.ч. мастер, бригадир), в т.ч. в сельском хозяйстве	401	25	25
7. Учащийся, студент	66	4	4
8. Пенсионер (неработающий) по возрасту	281	18	18
9. Пенсионер (неработающий) по инвалидности	110	7	7
10. Домохозяйка	96	6	6
11. Безработный, временно нетрудоустроен	94	6	6
S6. Семейное положение	1601		
1. Женат (замужем)	914	57	57
2. Не зарегистрированы, но живем вместе	115	7	7
3. Вдовец (вдова)	208	13	13

Продолжение таблицы

4. Разведен (разведена)	125	8	8
5. Живем порознь, но не разведены	13	1	1
6. Холост (незамужнем), никогда не был(а) в браке	226	14	14
S7A. Сколько человек проживает вместе с вами, включая вас лично и всех детей?	1601		
1. 1 чел.	192	12	12
2. 2 чел.	445	28	28
3. 3 чел.	465	29	29
4. 4 чел.	342	21	21
5. 5 чел. и более	158	10	10
S8. К какой из следующих групп населения вы скорее могли бы себя отнести?	1600		
1. Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты	137	9	9
2. На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения	499	31	31
3. Денег хватает на продукты и на одежду, но вот покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника) является для нас проблемой	734	46	46
4. Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи	228	14	14
5. Мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи (квартиру, дачу и др.)	2	0	0
S9. Семейный доход	1601		
Среднее значение:	15187		
1. Низкий (до 7000 руб.)	334	21	21
2. Средне-низкий (7000–14 000 руб.)	386	24	24
3. Средне-высокий (14 000–21 000 руб.)	307	19	19
4. Высокий (свыше 21 000 руб.)	341	21	21
999. Затрудняюсь ответить	232	15	15
S10. К какому из следующих социальных слоев вы бы отнесли себя и свою семью?	1600		

Постсоветский человек и гражданское общество

Продолжение таблицы

<i>Опрос по репрезентативной выборке населения России, 1601 человек в возрасте 18 лет и старше, проведен 20–23 июня 2008 года</i>	<i>Количество ответов</i>	<i>% от числа опрошенных</i>	<i>% от числа ответивших</i>
1. Высший слой	6	0	0
2. Верхняя часть среднего слоя	36	2	2
3. Средняя часть среднего слоя	725	45	45
4. Нижняя часть среднего слоя	616	39	39
5. Низший слой	217	14	14
Федеральный округ	1601		
1. Северо-Западный	155	10	10
2. Центральный	435	27	27
3. Южный	233	15	15
4. Поволжский	347	22	22
5. Уральский	137	9	9
6. Сибирский	221	14	14
7. Дальневосточный	73	5	5
Размер населенного пункта по 5-ти позициям	1601		
1. Москва	117	7	7
2. Город с населением более 500 тыс.	336	21	21
3. Город с населением от 100 до 500 тыс.	316	20	20
4. Город с населением до 100 тыс.	433	27	27
5. Село	399	25	25

Содержание

Введение	3
Жизненные проблемы и ценности россиян	14
Представления россиян о власти	19
Государственный патернализм и феномен институционального недоверия	25
Доверие и солидарность	30
Права и их нарушение	39
Представления о справедливости	43
Представления о демократии	49
Российская многопартийность и «электоральная демократия»	53
Политическая сфера: возможности действия и проблема ответственности	60
Повседневная коммуникация и формы социальности	67
Доверие и готовность к взаимопомощи	72
<i>Ю.П. Сенокосов. О гражданском просвещении</i>	79
Приложение	82

Приложение к журналу «Общая тетрадь»

Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая
ПОСТСОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК
И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Корректор *Е. Макеева*
Компьютерная верстка *О. Козак*

Подписано в печать 3.12.2008. Формат издания 70x90/16.
Печ. л. 6. Тираж 1000 экз. Заказ №

Московская школа политических исследований
Россия, 123104 Москва, Большой Козихинский пер., 7/2, офис 30.
Факс: (7499) 500-49-90
E-mail: mmps@mmps.su
<http://www.mmps.ru>